

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭКЗОРЦИСТ

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ЖНЕЦ

Павел Николаевич Корнев
Жнец
Серия «Экзорцист», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=422052
Жнец: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0677-7

Аннотация

Людам кружат голову богатство и власть, бесов манит огонь человеческих душ. Но и те и другие лишь марионетки скрывающегося во тьме кукловода. Игрока, для которого раздирающая Святые земли война не более чем способ добиться собственной цели. Вот только даже призрачные нити оставляют следы, а значит, рано или поздно рыцари плаща и кинжала нанесут ответный удар. И пусть холодная сталь бессильна против порождений Бездны, но иной раз грязные приемы в буквальном смысле слова творят чудеса.

Агент тайной службы Себастьян Март получил еще один шанс, но по силам ли ему переиграть таинственного Жнеца? И не пожалеет ли он в итоге о несостоявшейся прогулке на эшафот?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	55
Глава 4	82
Глава 5	105
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Павел Корнев

Жнец

Глава 1

Экзорцист. Еще один шанс?

Год 973 от Великого Собора

Месяц Святого Огюста Зодчего

Допрос – это всегда неприятно. Особенно если арестанта выворачивает наизнанку не замученный рутинной стражником, а профессионал, твердо намеренный получить нужный ему результат. Юли не юли, все одно рано или поздно он выведет тебя на чистую воду. Нет, конечно, всегда есть возможность не отвечать на вопросы вообще, но – не советую. В этом случае придет черед специалиста несколько иного профиля, и, вполне может статься, клещи и раскаленное железо заставят рассказать даже то, до чего никогда не докопался бы обычный дознаватель.

Именно поэтому я и не думал отмалчиваться, благо на этот раз совесть была абсолютно чиста. Но вот убедить в этом следователя никак не получалось. Ну да работа у человека такая – никому не верить. Мне и самому на его месте оказываться не раз доводилось, прекрасно представляю, ка-

ких нервов стоит не сорваться на крик или не вклеить затрепшину. Что ни говори, далеко не каждый может без малого сутки сдерживать себя, получая на одни и те же вопросы одни и те же ответы.

Нет, вру. Формулировки вопросов и их порядок постоянно менялись. Было бы мне что скрывать, давно бы уже попался на противоречиях; и так обойти пару скользких моментов удалось с величайшим трудом.

– Сколько наконечников вы привезли с острова? – делая какие-то пометки на лежавшем перед ним листе писчей бумаги, в очередной раз уточнил дознаватель.

– Двадцать семь. – Скользя взглядом по невзрачному мужчине средних лет, я зажмурился и помассировал уставшие глаза.

– Другие наконечники на острове имеются?

– Нет. – Перед отплытием я по настоянию Рауля все же прошелся по лесу, выискивая остававшиеся в деревьях куски проклятого металла. – Но островитяне пообещали изготовить за зиму еще два...

– Как именно выглядели наконечники? – Дознаватель пропустил мою последнюю реплику мимо ушей.

– Темный металл, без каких-либо следов ржавчины, довольно грубаяковка...

– То есть в Адмиралтейство вы привезли другие наконечники?

– В Адмиралтейство наконечники привез не я.

– И тем не менее?

– Другие.

– Почему же тогда вы заявили, что «тьма слишком сильна», и захлопнули крышку сундука? – уставился на меня дознаватель, под глазами которого набухли темные мешки. – Как вы это объясните?

– В тот момент мне показалось неразумным объявлять во всеуслышание о пропаже наконечников, – пожал я плечами.

И так Малькольм Паре потом чуть не прибил, реакцию же остальных вельмож страшно было даже представить. Четвертовали бы, как пить дать, четвертовали. Без суда и следствия, прямо на месте.

– Вы с первого взгляда смогли определить, что кто-то подменил содержимое сундука?

– Да.

– Каким образом?

– Появление ржавчины. Другие размеры. Отсутствие проклятия.

– Кто-нибудь другой мог заметить подмену?

– По первым двум признакам – граф Луринга и Вильям Чесмарци. Но они в сундук заглянуть не успели.

– Кто еще?

– По третьему признаку любой из братьев-экзорцистов. Если бы им объяснили, на что следует обратить внимание.

– Когда вы последний раз видели настоящие наконечники? – вновь взялся за перо дознаватель.

– На корабле, перед тем как был заколочен сундук.

– Кто еще находился с вами в тот момент?

– Граф Луринга и Вильям Чесмарци.

Все эти вопросы давно уже сидели у меня в печенке, но высказывать своего раздражения ни в коем случае не стоило. Как бы чего не вышло. Дыбы там или игл под ногти...

– В дальнейшем кто-нибудь из вас оставался наедине с сундуком?

– Нет, мы сразу вытащили его на пирс.

– Таким образом, вы утверждаете, что возможность подменить наконечники была только у Джоэля Янга и Грая Фокса, доверенных лиц главы надзорной коллегии Якоба Ланье?

– Я ничего такого не утверждаю. Я говорю лишь о том, что к ним в карету погрузили настоящие наконечники, а в Адмиралтейство привезли уже подделку. Как и кем был осуществлен подлог, мне неизвестно.

– Хорошо, – задумчиво уставился в потолок следователь. – Если рассуждать теоретически, могли Янг и Фокс вскрыть сундук и спрятать наконечники под одеждой или в карете?

– Нет. – Выдвигать обвинения против этих господ было весьма и весьма недальновидно. Это все равно что прилюдно плюнуть в лицо Ланье. – Я находился рядом с ними и почувствовал бы исходящие от металла эманации тьмы.

– Но пропажу наконечников вы обнаружили, лишь открыв сундук! – попытался подловить меня на противоречиях до-

знаватель.

– На сундук были нанесены специальные знаки, блокировавшие тьму внутри.

– Вот оно как, – почесал нос пером мужчина и неожиданно решил сменить тему. – Кто организовал нападение на брата-экзорциста во время плавания?

– Не знаю, – совершенно искренне ответил я.

– Но какие-либо предположения у вас по этому поводу имеются?

– Вариантов немного: или Ланс, или Драгарн.

– Почему же вы не захватили агента противника живым?

– После покушения состояние моего здоровья оставляло желать лучшего. – Я невольно поморщился из-за кольнувшей макушку боли. – А на острове задержание исполнителя живым могло поставить под угрозу выполнение первоочередной задачи.

– Ясно, – вновь сделал какую-то пометку дознаватель. – И тем не менее Драгарн или Ланс?

– Преследовавший нас корабль шел под флагом военного флота Драгарна, но способ поддержания связи более характерен для еретиков...

В этот момент скрипнула дверь, и в комнату заглянул Малькольм Паре.

– Вы еще не закончили? – уточнил он.

– В принципе вопросов у меня больше нет, ваше сиятельство, – покачал головой дознаватель.

– Себастьян...

– Да? – невольно напрягся я.

– Пошли...

Я поднялся со стула и на негнущихся ногах зашагал на выход. Вряд ли, конечно, Паре меня в пыточную или на эшафот самолично сопроводить решил, но задание-то, как ни крути, провалено. За такое по голове не погладят. И от того, что не один я оказался в столь неприглядном положении, ничуть не легче. Запросто козлом отпущения сделать могут. Пусть Малькольм Паре выглядит вполне довольным жизнью, расслабляться не стоит – он-то как раз сухим из воды при любом раскладе выйдет. А раз пропажа наконечников стала головной болью надзорной коллегии, еще и в выигрыше останется.

– Надеюсь, мы не в пыточную перемещаемся, ваше сиятельство? – не шибко весело пошутил я.

– Нет, она дальше по коридору, – то ли отшутился, то ли на полном серьезе сказал Паре и начал подниматься по лестнице на второй этаж. – Я, конечно, не могу ничего гарантировать, но если не будешь валять дурака, посещение оной тебе не грозит.

– Вот спасибо, – буркнул я, – успокоили так успокоили...

Граф только хмыкнул и ничего на это саркастическое замечание отвечать не стал. Проводив меня в просторный кабинет, он указал на застеленный белой скатертью стол с расставленными вокруг него плетеными креслами и предложил:

– Присаживайся.

– Нежели кормить будут? – усмехнулся я и подошел к широченному, практически во всю стену, окну. Привезли меня сюда ночью, и ничего толком рассмотреть возможности не представилось. А как ни крути, любопытно глянуть, где именно мы сейчас находимся.

За окном оказался сад. Начавшие желтеть деревья, ухоженные газоны, посыпанные мелкой галькой тропинки.

Где я?!

– Мне казалось, человеку в твоём положении кусок в горло не полезет, – как бы невзначай намекнул Паре, что расслабляться не стоит.

– Совершенно верно! – ухмыльнулся я и принялся разглядывать висевшие на стенах картины. Ничего в этой мазне не понимаю, но одно могу сказать точно – рамы вовсе не из дешевых. На полу ковры, портьеры золотыми нитями прошиты. – А знаете почему? Потому что у меня язык к глотке присох уже!

– Ну, на чай можешь рассчитывать.

– Ваша доброта не знает границ, – вновь отвернулся я к окну. – Где это мы, господин Паре?

Но ответил мне не Малькольм. Непонятно когда успевший присоединиться к нам мужчина средних лет пожал графу руку и улыбнулся:

– Вы в моем охотничьем домике.

– Ваша светлость... – вздрогнув от неожиданности, поклонился я.

Скажи мне кто еще вчера, что буду чай с советником его величества распивать, даже не улыбнулся бы. А ведь без чая точно не обойдется, слуги стол на три персоны сервируют. Охотничий домик? Ну надо же...

– Присаживайтесь, – предложил герцог Мор. – Разговор нам предстоит долгий.

– К полудню мне надо быть во дворце, – напомнил Малькольм Паре.

– Не настолько долгий.

Я уселся за стол, и моментально оказавшийся рядом слуга наполнил чашку.

– Думаю, Себастьян, вы гадаете, зачем мы здесь собрались? – прищурился внимательно разглядывавший меня герцог, когда слуги покинули кабинет.

– Нет, – покачал головой я. – Вот причина, по которой здесь оказался я, действительно представляет определенный интерес, ваша светлость.

– Рауль отзывался о вас лучшим образом...

– И тем не менее это не объясняет, почему я пью чай, а не даю показания.

– Ну, тебе хватило ума захлопнуть крышку сундука до того, как обнаружилась подмена, – усмехнулся Малькольм Паре и, подцепив щипчиками, кинул в чашку один кусочек сахара.

– Исчезновение наконечников не предано огласке?

– Именно.

– И выходит, надо отыскать их, прежде чем станет известно о пропаже, – продолжил я выстраивать логическую цепочку. – Лишних людей посвящать в происходящее нецелесообразно, поэтому вновь возникла необходимость в моих услугах.

– Тоже верно.

– В итоге все упирается во время. Как долго можно будет замалчивать это происшествие?

– Кого надо, мы о пропаже уже известили, – немало удивил меня своим заявлением герцог. – Остальные... остальные не должны узнать о ней вовсе.

– Боюсь, я уже ничего не понимаю, – признал очевидное я и, чтобы скрыть замешательство, отпил чая.

– Чей корабль пытался перехватить вас в море? – неожиданно заинтересовался Малькольм. – Кем была завербована часть отправленных в экспедицию солдат?

– Драгарн?

– Именно.

– И маршала на том заседании не было, – припомнил я. Просто совпадение или надзорная коллегия подсуетилась?

– Граф Ильме подал в отставку по состоянию здоровья, – улыбнулся герцог Мор.

– Вероятно, кто-то из его ведомства продался Драгарну?

– Один из заместителей, – просветил меня Паре. – В Лиране узнали о наконечниках и решили наложить на них руку, но, к счастью, попытка эта успехом не увенчалась.

– Получается, они уверены, что наконечники находятся у нас! – ухмыльнулся я.

– И поскольку это обстоятельство может переломить ход войны, Драгарн вынужден пойти на уступки. Усиление Ланса играет им на руку только до определенного предела, – подтвердил граф мою догадку.

– Заключенный союз обошелся нам очень недешево, помимо возвращения части Протектората, мы должны передать Драгарну полдюжины наконечников, – объяснил герцог. – До сих пор все висит на волоске, и это нельзя не принимать во внимание!

– Какие-то зацепки уже есть? – сразу перешел я к сути дела.

– Если не брать в расчет возможность вашего сговора... – до дрожи напугал меня намеренно сделавший паузу советник короля, – похитить наконечники могли только люди Ланье.

– Выходит, их слово против нашего...

– Ланье временно отстранен от работы и находится под домашним арестом, – как-то очень буднично заявил Малькольм Паре, – он не в состоянии оказать влияния на результаты расследования.

– На каком основании его отстранили?

– Официально? Провалил работу по выявлению драгарнской агентуры.

– Вы действительно полагаете, что именно Ланье орга-

низовал похищение наконечников? – Мысль эта просто не укладывалась у меня в голове. – Или... или просто подвернулась удачная возможность лишить его влияния?

– Как бы нам ни хотелось утопить Якоба, – очень медленно проговорил герцог, – в первую очередь необходимо вернуть наконечники.

– К тому же некоторые нюансы позволяют сделать вывод о непричастности к этому делу господина Ланье, – поднялся из-за стола Малькольм.

– Какие именно?

– Джозель и Грай мертвы.

– Это еще ни о чем не говорит, – покачал головой я. Пусть волкодавы и были преданы лично главе надзорной коллегии, но при необходимости Ланье мог пожертвовать ими без малейших колебаний. Слишком ставки высоки, чтобы сентиментальничать. – Даже наоборот.

– Осмотревшие тела медики убеждены, что они умерли накануне вашего прибытия в Акраю.

– Вот как... – Удержаться от проклятия удалось с превеликим трудом. – На редкость запутанное дело...

– Найдите наконечники, – пропустил мимо ушей эту сентенцию герцог Мор и, не прощаясь, покинул кабинет. Даже о последствиях предупреждать не стал. Да и зачем? И так все ясно.

– Так понимаю, меня назначили козлом отпущения? – уточнил я у Паре.

– Не козлом отпущения, а старшим оперативной группы по розыску похищенного, – покачал головой граф и добавил: – Что в общем-то одно и то же.

– Благодарю за оказанное доверие, ваше сиятельство.

– Не паясничай, – нахмурился Малькольм. – Курировать тебя будет Рауль Луринага, он же и людей выделит.

– Ясно. С чего начнем?

– Тебе видней.

– Надо осмотреть тот сундук, – задумался я. – Да, без этого не обойтись.

– На кой бес? – поднялся из-за стола Паре.

– Если это тот самый сундук – одно дело. Если же его подменили – то совсем другой расклад получается.

Вслед за Малькольмом я спустился на первый этаж и в нерешительности остановился перед ведущей в подвал лестницей:

– Туда-то зачем?

– Нам в хранилище, – успокоил меня граф. – Пошли...

Сундук оказался тем самым, в этом не могло быть никаких сомнений. Даже корявые следы моей писанины на боковых стенках сохранились. И о чем это говорит? Только о том, что одна из версий благополучно отправилась псу под хвост, не успев даже толком появиться на свет.

– Что-то еще? – глянул на циферблат карманных часов Малькольм и захлопнул крышку. – Мне пора во дворец.

– Карету. Надо проверить карету, – сообразил я.

– Логично, – кивнул Паре. – Эрих тебя отвезет. И советуую подойти к расследованию со всей серьезностью. Если опять дело завалишь...

– Не завалю, – напустив в голос уверенности, которой во все не ощущал, заявил я. – Не завалю...

Впрочем, и без того невеликая надежда на скорое раскрытие похищения стала совсем уж призрачной, стоило осмотреть карету, в которой Джоэль и Грай перевозили сундук с наконечниками.

– Ты куда меня привез? – поначалу и вовсе опешил я, когда Эрих остановил экипаж на обочине дороги неподалеку от въезда в Акраю.

– Хотели карету осмотреть? – уточнил тот самый неприметный господин, возивший меня по городу в прошлый раз.

– Ну.

– Так вам во-о-он туда, – указал рукой в сторону Эверя подручный Малькольма Паре.

Я вполголоса выругался, сошел с обочины и побрел по высокой траве к росшим на берегу кустам. Ноги моментально промокли, но мне сейчас было не до того: у кустов маячило несколько стражников, да еще и гарью оттуда явственно тянуло. Неужто Джоэль и Грай тут свои дни окончили? Хотя нет, сомнительно это.

– Он со мной! – крикнул стражникам остававшийся на обочине Эрих, и brave парни немного расслабились.

Кивнув расступившимся стражам порядка, я обошел ку-

сты и мрачно уставился на обгоревший остов кареты. Вот ведь! Ну и какие после этого улики сохраниться могли? Сволочи...

– Ничего не трогали? – стараясь не перепачкаться в саже, заглянул я в почерневшее от копоти нутро кареты. Нет, не все так плохо. Дождливая погода свою роль все же сыграла.

– Никак нет, ваша милость, – доложил начальник караула.

– И внутрь никто не лазил? – Дыра в полу навела меня на кое-какие раздумья. Может, конечно, доски просто прогорели и вывалились, да только, может, совсем не в пожаре дело. А ну как их заранее выпилили? Жаль только, размеры дыры сейчас оценить сложно. Ладно, не так уж это и важно, по большому счету.

– Никто, ваша милость.

– Хорошо.

Я для виду важно покивал головой и отправился обратно к ожидавшемуся меня на обочине подручному Малькольма Паре. Нет, что ни говори, мокасины для осенней распутицы – обувь не самая подходящая. Надо бы при первой возможности их на что-то более основательное сменить.

– Посмотрели? – забрался на козлы Эрих.

– Посмотрел. – Я полез в экипаж.

– Теперь во дворец?

– Во дворец. Только по Красильщиков надо проехать.

– Раз надо – проедем.

Велев остановиться на перекрестке Красильщиков и По-

горелой, я выбрался из экипажа и прошелся по направлению к особняку Адмиралтейства. Долго идти не пришлось – примерно там, где и остановилась карета с наконечниками, когда у какой-то телеги впереди отвалилось колесо, обнаружилась темная щель ливневой канализации. Что ж, теперь понятно, каким образом похитителям удалось избавиться от проклятого металла. Остается выяснить, кто именно провернул эту аферу, если Джоэль и Грай отдали Святым свои души еще накануне. Ну и отыскать наконечники будет, само собой, во все не лишним.

– Что-нибудь нашли? – поинтересовался Эрих, когда я вернулся к экипажу и принялся счищать налипшую на мокасины грязь.

– Да так... – Откровенничать по понятным причинам не хотелось. – Все, езжай!

К дворцовому комплексу экипаж подъехал со стороны Закатного канала. Эрих сдал меня с рук на руки караулившим задние ворота «серым сюртукам» и со спокойной совестью откланялся. Явно предупрежденные руководством охранники излишнего любопытства к моей персоне проявлять не стали и незамедлительно проводили в приемную Рауля Луринги.

Обиталище главы дворцовой охраны впечатления не произвело. Неприметный флигелек на задворках, обшарпанная мебель, скрипящие половицы. Личности какие-то непо-

нятные по темным коридорам шляются. И ко всему прочему вместо симпатичной девицы – а ничего другого я от графа и не ожидал – в приемной Луринги всем заправлял лысый старикан, при каждом удобном случае шпынявший дежуривших там караульных.

Между тем один из безропотно сносивших нападки секретаря охранников оказался навещавшим меня в тюрьме Сержантом. Выходит, действительно людей Пратта в помощь дворцовой охране перекинули.

– Проходите. – Старый хрыч явно горел желанием промариновать незваного гостя в приемной до конца дня, но приказа послушаться не посмел и препятствий чинить не стал.

Я распахнул дверь служебного кабинета Рауля и тотчас закашлялся из-за витавшего в воздухе табачного дыма – накурено в комнате было так, что хоть топор вешай. И это при настежь распахнутом окне!

– Дверь закрывай! – прикрикнул Луринга, прижимая к столу едва не раскиданные по комнате порывом сквозняка листы.

– День добрый. – Я без всякой спешки прошел в кабинет. – Как вы только не задохнулись тут...

– Привыкнешь, – фыркнул выстукивавший курительную трубку Джек Пратт.

– Не уверен, – покачал я головой и огляделся.

Небольшая комнатуха была сплошь заставлена какими-то шкафами, в углу притулился массивный сейф. Рядом с

окном стоял заваленный бумагами стол, за которым и расположились Рауль и Джек. Больше в кабинете никого не было.

– Кофе? – Граф отложил на подставку курившуюся едким дымком трубку.

– Воздержусь. – Я уселся на подоконник. – Как-то не замечал за вами этой пагубной привычки.

– К кофе?

– К табакокурению.

– Я бросал.

– Оно и видно.

– Ладно, не стони, – оборвал меня набивавший трубку очередной порцией отравы Джек Пратт. – Мы тут не балду пинаем, а делом заняты.

– А кто-то спорит? – вздохнул я. Вид у этих гавриков был еще тот. Волосы растрепаны, глаза краснющие, сказать про одежду, что она в беспорядке, значит не сказать ничего. Неужели со вчерашнего дня тут заседают? – Судя по всему, вы по приказу его высочества разрабатываете план военной кампании против еретиков. Или чертите планы захвата дворца?

– Твой скептицизм, Себастьян, не имеет под собой никаких оснований. – Граф Луриंगा отпил остывшего кофе. – Учитывая объем свалившейся на нас работы...

– На нас? Так вы этого рыжего пройдоху надолго пригрели?

– Чья бы корова... – буркнул Пратт.

– Навсегда, – изрядно удивил меня Рауль.

– Вот как? Ведомство Ланье решили растащить по кускам?

– Нет, это просто я успел подсуетиться, – заухмылялся граф. – Никто не хочет разделить участь герцога Алангорского.

– Не думаю, что этого так уж следует опасаться, – покачал я головой.

– Почему? – заинтересовался Джек.

– Марионетки – не самоубийцы. Это противно их природе.

– С чего ты так решил? – не согласился со мной Рауль. – Бесноватые очень часто накладывают на себя руки.

– Марионетки – не просто одержимые. Бес в них заперт, и он обречен умереть вместе с человеком.

– Полагаешь?

– Уверен. Если у беса не будет никаких шансов удрать, марионетка рисковать не станет.

– Возможно, в этом что-то есть. – Рауль задумчиво почесал заросший длинной щетиной подбородок. – Но как бы то ни было, дел у нас невпроворот.

– Тогда не буду вас отвлекать, – вздохнул я и потер зудевший из-за табачного дыма нос. – Кого отдадите под мое начало?

– Есть зацепки?

– Возможно.

– Рассказывай.

– Особо рассказывать пока нечего. Правильно ли я понимаю, что версия об участии в похищении самого Ланье не рассматривается?

– Неправильно, – твердо заявил Рауль. – Просто не надо на ней заикливаться. Канцлер прямо заявил, что не потерпит в этой ситуации никакого сведения счетов. А герцог Гастре не из тех, кто предупреждает дважды.

– Хорошо. Тогда скажу так: наконецники были похищены Джоэлем и Граем. Через отверстие в днище они выкинули их в канализацию, когда карета остановилась из-за якобы сломавшейся впереди телеги.

– Все бы ничего, – тяжело вздохнул Пратт, – но этих господ нашли мертвыми на задворках их любимой ресторации. Медики убеждены, что смерть наступила как минимум в ночь накануне вашего прибытия в порт.

– Это запутывает дело, – не стал я выдвигать никаких скоропалительных предположений. – Мне надо осмотреть место, где их нашли, и сами тела, само собой, тоже.

– Что-нибудь еще? – Граф потер воспаленные глаза и вновь принялся раскуривать трубку.

– Люди. Надежная нора. Деньги. И обувь.

– Обувь? – Джек перегнулся через край стола, глянул на заляпанные в грязи мокасины и с довольным видом хохотнул. Настроение у него улучшилось прямо на глазах. Вот ведь гаденыш...

– Что-нибудь еще? – уточнил Рауль.

– Мне надо знать, почему смерть Джоэля и Грая сняла подозрение с Ланье.

Что дело нечисто, я заподозрил уже давно, а реакция Луринги только укрепила мои подозрения.

– Не сняла, – покачал головой граф, – но сместила акценты.

– В какую сторону?

– Когда я только устроился в охранку, лейб-егерь попытался убить нескольких высокопоставленных вельмож. Покушение не удалось, несостоявшийся убийца в ходе задержания погиб, но некоторое время спустя неподалеку было обнаружено раздетое до исподнего тело того самого курьера. Когда их положили рядом, отличить одно от другого не смогла даже жена.

– Брат-близнец?

– И в помине не было. К тому же шрамы у них тоже совпадали вплоть до царапин.

– Ясно, – задумался я. – Ясно... Вы когда-нибудь общались с Джоэлем и Граем до встречи в порту?

– Да, доводилось.

– И не заметили ничего подозрительного?

– Не знай я всех обстоятельств дела, никогда бы не поверил, что разговаривал с кем-то другим.

– Понятно. Ну, тогда вопросов больше нет.

– Значит, так... Деньги не проблема, квартира тоже.

Обувь? Сейчас мерку снимут, к вечеру будет. В помощь... в помощь Джека бери, – быстренько разобрался с моими требованиями Рауль и с довольным видом откинулся на спинку стула. – Все, свободны.

– Пошли, помощничек, – потянул я рыжего пройдоху на выход. – Сапожник у вас собственный, что ли?

– Придворный.

– Хорошо живете.

В приемной мы столкнулись с господином Заре. Тот сделал вид, будто меня не узнал, я тоже афишировать наше знакомство не стал и, кивнув на прощанье Сержанту, вышел в коридор.

– Важная шишка? – обернулся я к задержавшемуся в приемной Джеку.

– Рик Заре? Заместитель Рауля.

– Да ну?!

– Не бери в голову, – успокоил меня Пратт. – Граф его на коротком поводке держит.

– Ясно. – Я вышел на крыльцо флигеля и уточнил: – А тебя?

– В смысле? – Рыжий пройдоха сделал вид, будто не понял вопроса.

– Твой статус в системе какой, говорю?

– Ну, вообще... – Парень гордо выпятил грудь, потом шумно выдохнул и махнул рукой. – А-а-а, никакой мой статус пока, просто никакой.

– Да ну? – засомневался я.

– Бумаги о назначении заместителем главы дворцовой охраны находятся на рассмотрении. Там, – ткнул пальцем в небо Джек. – И все будет зависеть от результатов расследования. Так что выручай.

– Ну, ты и проныра, – только и покачал я головой. – Ладно, пошли сапоги заказывать.

– Дальше куда?

– Транспорт у тебя есть?

– Пролетку возьмем.

– Тела Джоэля и Грая посмотреть надо. Ну и место, где их нашли.

– А потом?

– Суп с котом. Пошли давай...

Визит к сапожнику много времени не занял, и уже через четверть часа мы с Джеком уселись в подогнанную к задним воротам дворца пролетку, управлял которой наряженный в цветастую ливрею Пьер – еще один перекочевавший в охранку работник надзорной коллегии.

– Так! – хлопнул я себя по лбу. – А где мои вещички, кстати?

– На квартире, – как нечто само собой разумеющееся выдал Джек.

– В смысле?

– Ну, ты ж просил нору?

– Хочешь сказать, вы поиском жилища для меня заранее

озаботились?

– А ты как думал? Я тебя к себе даже на коврик ночевать не пушу.

– А вот это я запомню...

– Куда ехать-то? – обернулся к нам Пьер.

– В морг, – распорядился я.

– Какой именно?

– На площадь Трех Каналов езжай, – подсказал Джек.

– Это который напротив здания тайной службы? – уточнил возница, сворачивая на какую-то узенькую улочку.

– Он самый.

– Слушай, Джек, – толкнул я локтем в бок рыжего пройдоху, – а вы меня в какую дыру засунуть собираетесь?

– Прямо в дыру! Нормальная комната в доме, где флотские квартируются. Я туда своих людей в охрану направлю, будешь жить, как у Святых за пазухой.

– Хотелось бы верить...

– Не бойсь, у нас все без обмана.

– Это ты пошутил сейчас?

– Да ладно тебе...

В морге ничего полезного разузнать не получилось. И дело было даже не в желании поскорее покинуть пропахший тяжелым трупным запахом подвал, вдоль стен которого тянулись бесконечные ряды лежанок. Иногда пустых, чаще – с накрытыми грязными дерюгами телами. Нет, просто я небезосновательно рассчитывал уловить следы бесноватости, а те-

ла подручных Ланье оказались абсолютно чисты. Никаких остаточных эманаций скверны. Абсолютно никаких.

– Причину смерти установили? – вытирая руки, спросил я у вышедшего из своей каморки медика.

– Асфиксия.

– Яд или удушение?

– Удушение.

– Вот как? – Заявление это меня особо не удивило – темные полосы на шеях мертвецов говорили сами за себя. И все же концы с концами не сходились. Ни за что не поверю, что эти головорезы так легко дали бы себя удавить. – Это все?

– У обоих следы удара по голове, сразу за левым ухом, – шмыгнул носом медик. – И, судя по косвенным признакам, их предварительно одурманили.

– Их одурманили или они одурманили себя сами?

– Следов длительного употребления опиатов не обнаружено. Хотя вскрытие тел мы еще не проводили...

– Можете проводить. – Я кинул полотенце на пустую лежанку и зашагал на выход.

Картина складывалась крайне противоречивая. Следов бесноватости нет, но кто-то приложил немало усилий, чтобы отправить подручных Ланье на тот свет. Причем убийца – или убийцы? – затратил столько усилий исключительно для того, чтобы избежать кровопролития. Так что же было целью такой избирательности: тела или одежда? Одежда или тела? Наконечники похитили повиновавшиеся чужой воле живые

мертвецы или кто-то умудрился принять их облик? Вот в чем вопрос.

– Ну и как успехи? – поинтересовался дожидавшийся меня на крыльце Джек Пратт.

– Так себе, – мрачно глянул я на затянутое серыми облаками небо. Вот и дождь уже накрапывать начал. – Закрытый экипаж не мог выбить, что ли?

– Зачем? – Джек накинул на голову капюшон плаща и зашагал к пролетке.

– Дай плащ погреться.

– Разбежался!

– Злой ты. – Я уселся на мокрое сиденье и поднял воротник куртки. – Поехали на квартиру.

– Тут до «Алмазной пичуги» рукой подать.

– Что за пичуга еще такая?

– Там тела обнаружили.

– Святые с тобой, поехали. Но, если я простыну и заболею, – виноват будешь ты.

– Как-нибудь переживу, – фыркнул Джек. – Меду привезу или там варенья малинового.

– Ловлю на слове. Пьер, свидетелем будешь.

– Не буду, – отказался возница. – Оно для здоровья вредно.

– Вот! – обрадовался рыжий пройдоха. – Моя школа!

– Что-нибудь с трупов пропало?

– Одежда и служебные бляхи.

– Понятно. А что с «Алмазной пичугой»? Джоэль и Грай часто там бывали?

– Только там и бывали. Они владели долей в этом доме и жили в квартирах над ресторацией.

– Так понимаю, службу вы уже наизнанку вывернули? – предположил я.

Пьер направил пролетку в какой-то переулок, и мы едва разминулись с нагруженной пустыми бочками телегой.

– До сих пор выворачиваем. Толку – ноль. Никто ничего не видел и не слышал.

– Ну кто-то же должен был подмешать наркотики им в пищу.

– А потом выманить на задний двор, надавать по башке, удавить, раздеть и утопить тела вон в той канаве. – Джек Пратт указал на терявшийся в зарослях бурьяна ров. – И между тем никто ничего не видел.

– Так оно обычно и бывает.

Я вылез из пролетки и оглядел глухой дворик ресторации.

Колода для разделки мяса, поодаль – мусорка и лужа, в которую помои выплескивают. Какие-то оборвыши разгружают телегу с овощами, рядом трется бездомная собака. Но это сейчас – как стемнеет, думаю, тут никто в здравом рассудке шляться не станет. Чревато оно.

– На тела мальчишки случайно наткнулись, – вслед за мной подошел к канаве Джек. – Повезло.

– И что им тут понадобилось?

– Говорят, решили кораблики попускать, – ухмыльнулся рыжий. – Но думаю, присматривали, как чего с соседнего двора упереть.

– Возможно, – кивнул я. Несколько досок в начинавшемся за канавой заборе оказались подломлены, и из дыры за нами с интересом наблюдал наглый черный котяра с обтрепанными в бесчисленных драках ушами. – Все, поехали.

– С управляющим ресторацией разговаривать не будешь?

– Смысла не вижу.

– Замерз? – хохотнул Пратт.

– С тебя мед.

– Ты ж не заболел?!

– Заболел. Кхе-кхе. – Я уселся было в пролетку, потом глянул на расплывшуюся в ехидной улыбке физиономию Джека и тяжело вздохнул: – Ладно, бес с тобой, пошли поговорим.

– А разве есть смысл?

– Есть. У меня уже второй день и маковой росинки во рту не было.

– То есть ты хочешь за казенный счет брюхо набить? Ай-ай-ай, как нехорошо!

– Так! – Я остановился у черного хода ресторации и повернулся к Джеку: – А что у нас с деньгами?

– С какими деньгами? – Пратт посторонился, пропуская тащившего корзину с луком поваренка.

– Которые Рауль обещал выделить.

– У него и спрашивай.

– И спрошу, – пообещал я.

– И спроси, – фыркнул Джек и сунул служебную бляху в лицо удивленному нашим появлением с черного хода метрдотелю. – Управляющего в третий номер.

– У тебя здесь личный кабинет? – усмехнулся я, когда рыжий своим ключом отпер накладной замок и сломал наклепленную на дверь сургучную печать.

– Я подумываю над этим. – Пратт прошел внутрь и указал на стоявший у противоположной стены диванчик. – Чувствуй себя как дома.

– Договорились.

Обстановка в кабинете, надо сказать, была подобрана со вкусом. Вот уж чего от Джоэля и Грая не ожидал, того не ожидал. По обеим сторонам двери обнаружились высокие, в рост человека, зеркала, а у придвинутого к дивану столика стояли два кресла. Под потолком висел светильник с обтянутым алой тканью абажуром, окно пряталось за шторой, в углу сверкал начищенной медью канделябр с огарками свечей.

– Неплохо здесь. – Я убрал куртку на обнаруженную за портьерой вешалку. – Уютно.

– И посторонний ничего в еду подсыпать не может.

– Если только не по пути с кухни.

– Тоже верно.

– Господа, – неуверенно заглянул в кабинет управляющий, моложавый мужчина с напыженными волосами. –

Чем могу служить?

– Никто ничего нового не вспомнил? – по-хозяйски кинул плащ на спинку кресла Джек.

– Нет, – помрачнел управляющий и нервно пригладил прическу. – Ничего.

– Уходили они как обычно? – уточнил я. – Вместе или поодиночке?

– Вместе. Никто ничего необычного не заметил.

– То есть они частенько покидали ваше заведение через черный ход?

– Время от времени, – задумался напомаженный.

– А зачем?

– Покойные были не теми людьми, которым стоило задавать подобные вопросы.

– Ясно. – Джек плюхнулся на диванчик. – Накрывайте стол на две персоны. Особых изысков не надо, что на кухне есть, пусть то и тащат. И бутылку красного вина. С виноградников Лема прошлогоднего урожая в самый раз будет.

– Как скажете. – И управляющий поспешил покинуть кабинет.

– И возницу нашего покормите! – вслед ему крикнул я и подошел к канделябру. Могли в воск подмешать что-нибудь дурманящее сознание? Запросто. Но что нам даст подтверждение этой гипотезы? Да ровным счетом ничего.

– Не волнуйся, – Пратт достал кисет и трубку, – вот кто-кто, а Пьер голодным не останется.

– Убери, – попросил я, разглядывая в зеркало свою заросшую рыжеватой щетиной физиономию. – Сил нет больше эту гадость нюхать.

– На улице покурю. – Джек принялся набивать трубку.

– Это у вас такое поветрие в охране, что ли?

– Ага, – хмыкнул тот и махнул рукой заглянувшему в дверь слуге: – Заносите, заносите...

Стол оказался накрыт буквально в мгновение ока. Раз – и стоят блюда, тарелки, бокалы и откупоренная бутылка вина. Волшебство, да и только.

– Уха. – Официант наполнил тарелки ароматным супом и потянулся за бутылкой.

– Свободен, – поспешил выпроводить его Пратт. – Дальше мы сами.

И в самом деле – без рук, что ли? Лишние уши нам вовсе ни к чему. Надо поговорить с Джеком по душам, ох надо...

Но к разговору мы приступили уже после трапезы. И уха, и жаркое под грибным соусом оказались выше всяких похвал, так что портить себе аппетит деловыми разговорами мы не стали. И только когда я разлил по бокалам темно-красное вино, Джек откинулся на диванчик и сыто зевнул:

– Ну и что ты по этому поводу думаешь?

– Мы в полной заднице.

Вино тоже оказалось неплохим, и я пригляделся к этикетке. «Тирошский рубин», урожай позапрошлого года. Неплохой год, выходит, был. Стоит запомнить.

– Думаешь, в полной?

– Именно. Если я хоть что-то понимаю в этой жизни, наконечников в Акрае уже нет.

– Тем не менее от нас ждут результата. – Джек поставил пустой фужер на стол. – И либо мы его обеспечим, либо падем смертью храбрых в процессе. Мне больше нравится первый вариант.

– Аналогично. – Я вновь наполнил бокалы. – Выходит, чтобы распутать эту головоломку, у нас есть в запасе самое большее пара дней. Иначе наконечники успеют покинуть Стилг.

– Считаешь, их попытаются вывезти посуху?

– Непременно. – Я вдохнул аромат вина. – Драгарн тоже намерен наложить на них лапу. Слишком высок риск погореть на таможенном досмотре.

– А если не заходить в порты?

– По нашему времени это ничего не гарантирует.

– Ты так уверен, что похищение организовал Ланс? Почему?

– Драгарн до сих пор не объявил нам войну.

– Логично. – Джек развалился на диване и принялся болтать ногой в воздухе. – Нет, хорошо здесь. Остается только выбрать из обслуги пару девиц посимпатичней и запустить их на столе танцевать.

– Такое тут в порядке вещей?

– Вовсе нет, и как раз это меня и настораживает.

– Ты слишком плохо думаешь о покойных.

– Дай-то Святые...

– Ладно, собираться пора, – поднялся я из-за стола. – Как твой друг, кстати, поживает?

– Это который? – Пратт принялся раскуривать трубку.

– Чесмарци.

– Ох... кха-кха! – закашлялся рыжий. – Не поминай его лучше лишний раз.

– А что такое?

– Вместо Ланье сейчас временно обязанности исполняет Премине. Знаком с таким?

– Не доводилось.

– Зас... нец полный. Первым делом он к себе Чесмарци в заместители подтянул. – Джек накинул плащ и остановился в дверях. – Пошли, что ли?

– Выходит, с покровителем вопрос разрешился? – На ходу надевая куртку, я вышел из кабинета. – Ты номер опечатавать не будешь, что ли?

– А зачем? Ты осмотр провел, пусть пользуются...

– Осмотр провел, да...

– Запишите на мой счет, – небрежно бросил рыжий метротелю и как ни в чем не бывало покинул ресторацию через черный ход.

– Силен. – Я последовал за приятелем и, забравшись в пролетку, scomандовал Пьеру: – Поехали.

Тот поспешно спрятал в карман плоскую фляжку и, ста-

раясь дышать в сторону, уточнил:

– Куда?

– На квартиру, к этому... – ткнул меня в бок Джек.

Крепкий спиртовой дух он, без всякого сомнения, уловил, но, пребывая в благодушном настроении, замечаний подчиненному делать не стал. Совсем распустились...

Дом, в который мне предстояло заселиться, был выстроен неподалеку от порта. Далеко не самый престижный и спокойный район города, но квартировавшие тут морячки и сами могли пустить кровь любому уличному хулигану. А чтобы ни у кого из местных жуликов не возникло и мысли поживиться казенным имуществом, двор четырехэтажного особняка был обнесен высокой кованой оградой. Впрочем, на одни лишь штыри поверх забора флотские полагаться не стали – карауливший ворота седоусый дядька хоть и потерял неведомо когда все пальцы на левой руке, но как обращаться с висевшей на боку боцманской дубинкой, наверняка не забыл. Да и дудка при нем. Тревогу поднять завсегда успеет.

– Открывай! – прикрикнул на сторожа Пьер.

Ветеран смерил нас презрительным взглядом, почесал за ухом и покачал головой:

– Насчет повозки указаний не было.

– Совсем обалдел, что ли, старый? – опешил парень.

Сторож отвернулся и демонстративно сплюнул под ноги коричневую от жевательного табака слюну.

– Ладно, пошли, – соскочил я с пролетки и зашагал к воротам. Тут уж седоусый медлить не стал и тотчас отпер калитку.

– Люди из дворцовой охраны были? – спросил сторожа последовавший за мной Джек.

– Да кого тут только не было! – скорчив недовольную гримасу, фыркнул старик. Пиетета перед сухопутными крысами он не испытывал совершенно. Дворцовая охранка? Делов-то...

– Пошли давай, – поторопил я рыжего пройдоху. Продрог – сил нет. Еще и морось эта. Так и в самом деле простыть недолго. – И в какую конуру меня заселили?

– Скажешь тоже, в конуру! – Джек глянул на сидевшего на цепи здоровенного дворового кобеля и ухмыльнулся: – Хотя, если хочешь...

– Иди ты... – Я распахнул дверь и прошел в просторный холл.

– Господа? – поднял на нас взгляд сидевший за конторкой крепко сбитый пожилой мужчина. Он подозрительно прищурился и обернулся к развалившемуся в глубоком кресле Сержанту: – Это, что ли, ваши?

– Они самые. – Сержант поднялся на ноги и доложил: – Все спокойно.

– Вот и замечательно, – кивнул Джек. – Пока здесь побудь, вечером пришлю кого-нибудь.

– Это зачем еще? – удивился я. – К чему столько охраны?

– А на всякий случай, – не стал ничего объяснять Пратт, мельком глянул в висевшее на стене зеркало и прищелкнул пальцами: – Ключ, пожалуйста...

– Я провожу.

Консьерж подхватил приставленный к стене костыль и заковылял к уходившей на верхние этажи лестнице. Причиной хромоты оказалась вовсе не старческая немощь – левая нога заканчивалась деревянной культей.

– Не стоит, – попытался остановить его Джек, но ничуть в этом не преуспел.

– Положено! – безапелляционно отшил его увечный моряк и обернулся к Сержанту: – Присмотри тут за хозяйством пока, молодой.

– Будет исполнено! – пряча улыбку, отрапортовал тот.

Консьерж довольно споро поднялся на второй этаж, отпер ближнюю к лестнице дверь и протянул мне ключ. Я прошел внутрь и огляделся. Одна комната, стол, пара стульев, у стены – койка, в углу шифоньер. И что самое главное – мои вещи сюда в целости и сохранности привезли. Вот это действительно радует.

– Галльон на этаже, – заявил прислонившийся к косяку старик. – Столоваться здесь будете?

– Нет, – за меня ответил Джек и сунул ветерану полмарки. – Ты моим спуску не давай, пусть не расслабляются.

– А то! – гордо выпятил грудь консьерж. – У меня не забалуешь! На флоте с полусотней таких олухов справлялся!

– Вот и здорово. – Пратт прикрыл дверь и усмехнулся, оглядев обстановку: – Простенько, как говорится, но со вкусом...

– Ты зачем людей ко мне приставил?

Скинув насквозь промокшие мокасины, я первым делом примерил предоставленные охранкой сапоги. А ведь хорошо сидят! И не жмет нигде вроде. Ладно, посмотрим, как носиться будут. Все же не по ноге сшиты...

– Опять по башке получить хочешь? – недобро усмехнулся Джек.

– Издеваешься?

– То-то же. Ну и какие у нас дальнейшие планы?

– Проедемся по городу, поговорим кое с кем.

– По поводу?

– Да ты знаешь...

Я вытащил из мешка шило и сунул его в голенище сапога.

Ножны с превращенным в серп когтем прицепил на пояс.

– Ну? – поторопил меня рыжий.

– Очень это все на чью-то стандартную заготовку похоже.

– Ты действительно полагаешь, что Ланс привлек для этого дела местных мошенников?

– А почему нет? – Застегнув пряжку плаща, я нахлобучил на голову шляпу и посмотрелся в висевшее рядом с дверью зеркало. Сойдет. – Самим думать ничего не надо, а от исполнителей потом избавиться можно.

– Получается, мы будем гоняться за призраками? – Джек

распахнул входную дверь и вышел в коридор.

– Получается, так. – Я два раза провернул в замке ключ и зашагал к лестнице. – Но это не страшно. Главное, чтобы результат был.

– Рад, что ты это понимаешь. Не хотелось бы на старости лет в Пахарту или Аврию уматывать. Хотя на островах, говорят, мужики в цене. Будешь любимым наложником у какой-нибудь богатенькой бабенки...

– Типун тебе на язык!

– Да шучу я, шучу. Какая Пахарта, какая Аврия? Не найдем наконецников – вздернут, и все дела.

– Шутник, блин...

– При чем здесь шутки? Это правда жизни! – с довольным видом хохотнул Джек. – Куда едем?

– Увидишь, – поморщился я. Тоже мне комедиант выискался. – Надеюсь, ты против посещения городского дна ничего не имеешь?

– Я? Да как ты мог такое подумать?

– Вот и замечательно...

Глава 2

Темный сотник. Дорога в Мерн

Месяц Святого Огюста Зодчего

Последним Густав Сирлин похоронил Жака Бортье.

Да, старина Бортье продержался дольше всех. Остальные головорезы Темной сотни сгнули один за другим в самом начале осени, когда как-то враз закончилось сопутствовавшее Густаву везение. Оно и неудивительно: государства Пакта капитулировали одно за другим, и войска Ланса без лишних сантиментов принялись наводить на оккупированных территориях порядок. Так вот и вышло, что дезертиры из вольных хищников в считанные дни превратились в загнанную дичь.

Засады, облавы, летучие отряды кавалерии...

Густав Сирлин надумал переждать лихое время в лесах, а потом и вовсе перебраться в Драгарн, но от выследивших остатки беглой сотни королевских егерей удалось уйти только ему да Жаку. И вот оно как в итоге вышло: ерундовый порез загноился и свел Бортье в могилу.

Был ли сотник рад тому, что старуха с косой в очередной раз обошла его стороной? Скорее, этот факт его просто устраивал. Закидывая комьями сырой земли тело спутника, Густав осознал, что давно уже не испытывал практиче-

ски никаких эмоций. И даже непременный спутник беглецов – страх – утонул в бездонном омуте как-то незаметно затопившей его душу серой хмари безразличия.

Густав устал. Он просто очень сильно устал.

Летом был кураж. Летом его вела злая радость, и сотник щедро разбрасывался выпитой из Виктора Арка потусторонней силой. В глазах солдат он стал чуть ли не одним из небожителей. Но не лубочно-правильным Святым, а всемогущим повелителем битвы, одним взмахом руки способным раскидать десятков латников.

Что ж, какое-то время так оно и было. Пока не иссякла сила. Пока он не почувствовал, что вычерпан до дна. Опустошен и уподоблен высушенному ярким солнцем рыбьему костяку. Вымотан настолько, что даже таившаяся в глубине его души тьма не способна больше разгореться во всепожирающее черное пламя.

Когда это случилось? Две декады назад? Три? Он не помнил. Прошлое терялось в туманной пелене, а попытки разобраться в путаных обрывках воспоминаний заканчивались дикой головной болью.

Но если с тем, что для него есть лишь серое настоящее, Густав худо-бедно смирился, то принять роль обычного человека так и не смог. Осознание собственной никчемности жгло его изнутри, будто пожиривший торфяник подземный огонь. Жгло, не давало думать ни о чем другом, заставляло бежать куда глаза глядят, лишь бы подолгу не оставаться на

одном месте.

Не потому ли и повалились на отряд все эти неприятности?

Кто знает?

Темный сотник предпочитал об этом не задумываться. В его сером настоящем места для прошлого больше не оставалось.

Но, может, оно и к лучшему?

Кинув на могилу последний ком земли, Густав отошел к лесному болотцу сполоснуть выпачканные в грязи руки, да так и замер, уставившись на дрожавшее из-за бежавшей по воде ряби отражение. Давно не стриженные лохмы всклокоченных волос, кудлатая борода, осунувшееся лицо с темными провалами воспаленных глаз.

Неприглядное зрелище. Неприглядное и тревожное.

Сотник вытер ладони о замызганные штанины, вернулся к могиле и уселся на ствол вывороченного из земли вяза. Увиденное ему не понравилось. Весьма не понравилось.

Давным-давно, чуть ли не в прошлой жизни, когда Густав бродяжничал и водил знакомство с разным отребьем, он вдоволь насмотрелся на опиумных курильщиков. Конченные людишки. Но так ли он теперь от них отличался?

Те грезили о затяжке дарящей блаженное забытье отравы, ему для полного счастья хватило бы и крупницы потусторонней силы. Скверны, как пренебрежительно именовали ее

недалекие святоши.

Впрочем, даже сейчас Сирлин продолжал презирать тех вконец опустившихся бродяг. Они сами выбрали свой путь. Он оказался заложником семейных тайн и ничего изменить в своей жизни уже не мог. Другое дело, что никогда к этому особо и не стремился.

И уж точно Густав не собирался подышать от жалости к самому себе в этом забытом всеми Святыми лесу.

Утопиться в болоте?

Как-нибудь в другой раз.

Кое-как приведя в порядок всклокоченную шевелюру, Густав подрезал бороду и кинул к валявшемуся на земле мечу. Потом избавился от засапожного ножа, вытряхнул из дорожного мешка кольчугу и, посильнее напялив шляпу, зашагал в сторону тракта.

Сколько бы он ни просидел в чащобе – о нем не забудут. Жнец не из тех, кто прощает плевки в лицо. А уж на забывчивость Виктора Арка рассчитывать и вовсе глупо. Нет, единственное, что оставалось сотнику, – это как можно быстрее сбежать на полдень. В Драгарн. В Алезию. На худой конец – в Пахарту. Там его не достанут. Там можно будет переждать лихое время.

К тракту Густав вышел уже под вечер. Первым делом он нарвал лопухов и вычистил заляпанные болотной жижей са-

поги, потом осмотрел одежду и недовольно поморщился. Солдатская куртка с темным пятном на месте споротой эмблемы полка и давно не стиранные штаны респектабельности бывшему сотнику не добавляли. С другой стороны, таких вот непонятных персонажей сейчас пруд пруди. В глаза он бросаться точно не будет, а это главное. На крайний случай в подклад куртки нужные бумаги защиты. И золото – на золото надежды было даже больше, чем на поддельную подорожную.

Выбравшись на заросшую высокой пожухлой травой обочину, темный сотник с четверть часа подыскивал подходящее место, потом приглядел заросли только-только начавшего облетать орешника и уселся на лежавший неподалеку от них плоский камень. Если поедут солдаты или еще какой беспокойный люд – сигануть в кусты проблемой не станет. А торговый обоз или почтовая карета тут волей-неволей ход замедлят: сразу за его камнем тракт круто поворачивал, огибая болотину.

В кустах и в самом деле хорониться пришлось не единожды – армейские разезды по тракту мотались постоянно. Да и без служивых непонятного сброда на дороге хватало. Залегший в кустах Густав на глаза им не показывался: меньше всего он хотел угодить в переделку, ошибившись с выбором попутчиков.

Как-то незаметно подкрались ранние осенние сумерки, небо затянули облака и заморосил мелкий серый дождик.

Темный сотник поежился, но с обочины уходить не стал. И не прогадал: вскоре на дороге появилась одинокая бричка. Правил ей худощавый мужчина лет сорока, под поднятым верхом прятался от дождя его спутник.

На повороте бричка замедлила ход, а когда Густав ступил на дорогу, и вовсе остановилась – возница сразу сообразил, что незнакомец успеет перехватить поводья, и нахлестывать лошадь не стал. Вместо этого он поудобней ухватил плеть и привстал с козел.

– До Мерна не подвезете, люди добрые? – припомнив название соседнего городка, выставил перед собой пустые руки Сирлин.

– На въезде солдаты подорожные проверяют, – предупредил возница.

– Не беда, – улыбнулся Густав. – Бумаги имеются.

– Тогда подвезу. – Мужчина на миг нахмурился, потом тяжело вздохнул и пожал плечами: – Почему не подвезти?

– Благодарю, – поспешил забраться в бричку сотник и протянул руку: – Густав.

– Фридрих, – представился хозяин брички и сунул плеть за голенище сапога.

Так и не скинувший с головы капюшона спутник возницы промолчал. Да и сам Фридрих не выказал особого желания продолжать разговор. И лишь когда мимо них в очередной раз проскакал отряд ланских кавалеристов, Сирлин не выдержал и поинтересовался:

– Непокойно в округе?

– А где сейчас спокойно? – вновь пожал плечами Фридрих, оказавшийся несколько старше, чем решил сотник поначалу. Теперь-то Густаву были прекрасно видны исчертившие лицо собеседника тонкие морщинки, набухшие вены и мешки под глазами.

– Тоже верно.

– Но летом и вовсе пришлось лиха хлебнуть. – Возница поправил шляпу с обтрепавшимися полями, из-под которой выбивались слегка выющиеся светлые волосы. – Из дома страшно выбраться было, не то что из города.

– И не говорите, – усмехнулся сотник. – Будь моя воля, из дома бы – ни ногой.

– Это точно. – Фридрих разглядел, что солдатская куртка на попутчике не ланского фасона, и тяжело вздохнул: – У меня сыновья на войне сгнули. Теперь вот приходится одному крутиться...

– А вы по какой части будете? – заинтересовался сотник.

– Лекарь я. В окрестных деревнях лекарей сейчас днем с огнем не сыщешь, вот и мотаюсь.

– Есть такое дело, – кивнул Густав, который не понаслышке знал, как непросто отыскать в разоренной войной стране самого завалящего костоправа. Особенно когда у тебя на руках раненый боец, а на хвосте висят королевские егеря.

– Но ничего, налаживается потихоньку жизнь, налаживается. Вот поначалу жути натерпелись – просто беда.

– А что такое? Мародеры?

– Нет, солдаты себе лишнего не позволяли. Но, как наши город сдали, по ночам люди пропадать начали.

– Seriously?

– А то как же! Первую декаду все от страха тряслись. Сейчас как дурной сон то время вспоминается.

– Лихое времечко настало, – по необходимости поддерживать разговор кивнул Густав. – Остается надеяться, дальше лучше будет...

– Да будет, чего там. Простому люду все равно, кому подати платить. Главное, чтобы три шкуры не драли.

– А храмы Единения как?

– Дело привычки, – поежился Фридрих. – Кому невтерпеж, тот и дома Святым помолиться может, я так считаю. Но многих туда до сих пор силком сгоняют. Кого-то и пороли уже...

– Вот как?

– Да, было дело. А по мне, так храмы Единения ничем от моленных домов не отличаются... – Возница приметил глубокую лужу посреди дороги и начал править к обочине.

– Гони! – рявкнул сотник, но было поздно: выскочивший из кустов бородатый мужик в какой-то рванине успел перехватить поводья. И сразу же на тракт высыпали трое его дружков.

– А ну слазьте! Живо! – заорал размахивавший топором главарь и подскочил к сотнику: – Быстрее, кому сказано!

Двое разбойников обежали бричку, и схватившийся было за плеть Фридрих заколебался, не зная, что предпринять. Темный сотник краем глаза заметил у одного из парней дубинку, а у второго вилы и приуныл. Лишиться зашитого в подклад куртки золота он себе позволить просто-напросто не мог.

– Чего вы хотите? – спросил возница и невольно отодвинулся от зубьев нацеленных ему в грудь вил.

– Деньги и лошадь! Портки тоже скидывайте, портки у вас добрые. И ты! – Главарь махнул топором в сторону сидевшего в бричке человека в плаще. – Да, ты! Ну-ка, откинь капюшон! Живо, кому сказано! А не то...

– Ты глядь, баба! – заржал бугай, за поводья удерживавший лошадь.

– Бабу тоже оставляйте! – осклабился главарь, и Густав со всего маху пнул его в лицо. Тут же стремительно соскочил с брички, ухватил оброненный заводилой топор и, крутанувшись на месте, с размаху всадил иззубренное лезвие в голову отпустившему поводья здоровяку.

А вот Фридрих сглупил. Вместо того чтобы стегануть лошадь, он протянул плетью парня с вилами и повалился с козел, получив от второго разбойника дубинкой по голове. Сидевшая в бричке девица истошно завизжала; Густав поднырнул под лошадь, ухватился за черенок и легко вырвал вилы из рук растерявшегося разбойника. А потом и вовсе насадил его на ржавые зубья.

– Берегись! – завопила вдруг девушка, сотник шатнулся в сторону, но раскрутивший дубинку парень оказался быстрой.

Удар по ребрам едва не выбил из Густава дух, в боку что-то мерзко хрустнуло, а в глазах потемнело, и все же охнувший от боли сотник успел увернуться от второго замаха. Увернулся – и сразу ринулся на разбойника, торопливо перехватывающего дубинку. Вцепился ему в руку, начал выкручивать запястье, а когда отчаянно вырывавшийся парень все же обронил оружие, подтянул гаденыша к себе и свернул шею.

– Папа!

Соскочившая с брочки девица с криком бросилась к потерявшему сознание Фридриху, Густав же первым делом вытащил из сапога отправленного к бесам разбойника нож и, выпрямившись, поморщился от боли в отбитом боку. Затем он подошел к валявшемуся на обочине главарю, спокойно перерезал тому глотку и лишь после этого обеспокоился состоянием хозяина брочки.

– Живой?

– Не знаю, – начала подвывать девушка. – Не знаю! Не знаю!

Густав Сирлин ухватил ее за руку, аккуратно поставил на ноги и, не особо зверствуя, вlepил легкую пощечину. Спокойно присел к Фридриху и сразу же нащупал пульс.

– Живой он. Живой.

– Слава Святым! – всхлипнула девушка, приложив ладонь к покрасневшей щеке.

– Звать-то тебя как?

– Эльза.

Густав присмотрелся к ссадине на виске Фридриха и нахмурился. На первый взгляд рана серьезной не казалась, но, когда дело касается головы, ничего нельзя сказать наверняка.

– И далеко, Эльза, до города?

– Нет, рукой подать.

– Поехали. – Темный сотник осторожно поднял Фридриха и, скривившись от резкой боли в отбитом боку, переложил его в бричку. – Придерживай родителя своего, я править буду.

– Хорошо.

– Но! Пошла! – прикрикнул Густав, и нервно прядавшая ушами из-за запаха крови лошадь побрела через лужу. – Пошла!

– Густав, вы поможете занести отца в дом? – забеспокоилась вдруг Эльза. – Мне одной не справиться.

– Хорошо, – кивнул сотник. – Лекари другие у вас в городе остались?

– Нет, – помотала головой девушка. – Костоправ и травница только.

– Костоправ – это, конечно, хорошо, да только твоему отцу нормальный лекарь нужен.

– Главное – его до дому довести, – всхлипнула Эльза, но сразу же взяла себя в руки. – Я знакомых обойду, они помогут...

– Вот и замечательно, – тяжело вздохнул Густав и надолго замолчал, размышляя, какую байку он скормит дежурящим на въезде в Мерн солдатам. О чем о чем, а об этом следовало подумать заранее.

– Сворачивайте, – указала вдруг Эльза на неприметную проселочную дорогу, когда впереди замаячили переходящие в пригород фермы.

– Зачем еще? – насторожился темный сотник. Ехать по колдобинам ему не хотелось, да и проселок завести мог бес знает куда.

– Здесь ближе, – объяснила девушка, немного помолчала и добавила: – И на въезде не солдаты гарнизона, а ополченцы дежурят...

И в самом деле – разбитая тележными колесами дорога вскоре повернула к городу, а караульная будка и вовсе оказалась пуста. Чему Густав только порадовался – особой надежды на подорожную у него не было, а кошель с золотом вовсе не бездонный. До Драгарна путь не близкий, пригодится золотишко в дороге еще. Да и на новом месте деньги понадобятся.

– Слуг у вас нет? – уточнил сотник, когда остановил бричку у дома лекаря, ни в одном из окон которого не горел свет.

– Раньше были, а сейчас мы вдвоем живем, – объяснила

девушка. – Собак тоже не держим, заходи.

Густав кивнул и отправился отпирать ворота. Возиться с Фридрихом ему не хотелось совершенно – левый бок так и горел огнем. Но не бросать же девушку с раненым отцом на улице? Мало ли чего ей в голову взбредет. Уж лучше помочь.

Тихонько помянув недобрым словом Святых, сотник вернулся к бричке, загнал ее во двор и с кряхтением поднял на руки так и не пришедшего в себя лекаря.

– Сюда, – позвала его Эльза.

– Иду. – Густав поднялся на крыльцо, прошел по темному коридору и, уложив Фридриха в кровать, оперся о стол, чтобы не упасть.

– Что с вами? – забеспокоилась девушка.

– Все в порядке. – Сотник вытер выступившие на лбу мелкие капельки пота и глубоко задышал, дожидаясь, пока пройдет головокружение.

Эльза зажгла свечи и всмотрелась в сотника.

– А лицо бледное, словно мел. Вас ранили?

– Со мной все в порядке. А тебе пора идти за костоправом.

– Но я не могу оставить отца одного!

– Сбегай к соседям.

Сотник перестал опираться на стол и тут же закатил глаза и охнул от пронзившей бок боли.

– Густав, оставайтесь, – предложила вдруг девушка. – Вас должен осмотреть лекарь!

– Не стоит, – помотал головой сотник, потом осторожно

прикоснулся к горевшим огнем ребрам и сдался: – Только не надо меня никому показывать, так отлежусь. Ты беги, я за ним присмотрю.

– Спасибо! – Обрадованная Эльза выскочила из комнаты, а Густав с кряхтением опустился на стул, размышляя, не сваллял ли он дурака, поддавшись на уговоры остаться.

С другой стороны, ему и в самом деле нужно было отлежаться. И симпатичное личико дочери лекаря никак не сказалось на его решении.

Ну... почти никак.

Глава 3

Экзорцист. По остывшим следам к остывшему...

Месяц Святого Огюста Зодчего

Когда у человека много друзей – это замечательно. Правда, зачастую в один не самый прекрасный момент выясняется, что далеко не все, кто считался таковыми, являются ими на самом деле. В лучшем случае – это просто приятели. В худшем... в худшем иной раз и вовсе пакостно выходит.

Другое дело – знакомые. Знакомые – это связи. Знакомые – это возможности. Да, они могут быть весьма назойливыми, но кто из нас без греха? Я и сам, чего уж там, не самый приятный в общении человек. А куда деваться? Работа такая...

Немного поразмыслив, первым делом я решил наведаться в «Рванный парус» – средней паршивости забегаловку, в задней комнате которой владельцами заведения устраивались карточные игры с очень и очень приличными ставками. Заправлявший там толстяк по прозвищу Ленивец обладал просто феноменальной способностью ловить шулеров за руку, но иногда – крайне редко и лишь когда на кон ставились целые состояния – закрывал на эти шалости глаза. Конечно же не просто так закрывал, случайным людям за его столом ничего не светило.

Впрочем, о нечестной игре знали лишь те, кто участвовал в этом весьма доходном дельце, а потому репутация Ленивца продолжала оставаться незапятнанной. Болтуны же обычно имели обыкновение отправляться через люк в одной из комнат «Рваного паруса» напрямик в канал. С солидным грузом на ногах, разумеется.

– Знаю я этот гадюшник, – кивнул Пьер, когда услышал, куда именно нужно нас с Джеком доставить. – Здесь недалеко...

– На соседней улице практически, – подтвердил Пратт.

– Доводилось бывать? – заинтересовался я.

– Не мне. Одному товарищу, которому по рангу этого делать не полагалось.

– И?

– В итоге товарищ оказался нам вовсе не товарищ, – пожал плечами Джек. – Из окна выпал.

– Сам?

– Сам, конечно, – хохотнул Пьер. – Вешаться он наотрез отказался...

– Вот что, Джек, – нахмурился я. – Ты меня на улице пожди тогда.

– А что такое? – выбрался из пролетки рыжий пройдоха, когда Пьер остановился неподалеку от «Рваного паруса».

– Если тебя примут за шпика, со мной точно никто разговаривать не станет.

– Издеваешься? – потеревил серьгу в ухе Пратт. – Это я-

то на шпика похож?

– Больше, конечно, на сутенера...

– Ты бы попридержал язык!

– Ладно, пошли, – сдался я. – Но там – молчи. Понял?

– Договорились.

Скучавший на входе вышибала на нас даже не глянул. Да оно и немудрено – время, по меркам местных завсегдатаев, было детское, и заведение пустовало. Остается надеяться, что Ленивец уже на рабочем месте. Не ждать же его тут до ночи...

– Чего изволите? – оживился при нашем появлении протиравший грязным полотенцем посуду за стойкой бара какой-то молоденький парнишка.

– Стаканчик бренди, – заказал усевшийся на высокий стул Джек.

– И Ленивца позови, – распорядился я.

– Кого-кого? – сделал вид, будто ничего не понял, парень.

– Сначала наливаешь стакан бренди, – оперся я на стойку, – потом идешь и говоришь Ленивцу, что его желает видеть Себастьян Март. Укладываешься в пять минут – и продолжаешь радоваться жизни. Не укладываешься – и твоим коллегам придется бежать за лекарем. Или коронером. Смотря насколько задержишься. Все ясно?

Наполнившего Джеку стакан бармена будто ветром сдуло.

– Ты как это сделал? – откинул крышку карманных часов

Пратт.

– Что?

– Напугал мальчонку до полусмерти. Он даже вышибалу не догадался кликнуть.

– Думаешь, вышибала побежал бы для него за лекарем? Очень сомневаюсь.

– Смешно, ага. – Попробовавший бренди Джек скривился и глянул на выскочившего из задней комнаты паренька: – Четыре минуты.

– Проходите, – указал на распахнутую дверь тот.

– Хороший мальчик, – усмехнулся я и остановил рыжего пройдоху: – Здесь жди.

– Точно?

– Угу.

Я сунул ему шляпу с плащом и направился в заднюю комнату.

Ленивец – высокий, но сильно раздавшийся вширь мужчина средних лет – сидел за обтянутым зеленым бархатом столом и вертел в руке вытащенную из валявшейся перед ним колоды карту. Больше в комнате никого не было. Две распахнутые настежь двери – и мы. Ну да лишние уши сейчас ни к чему.

– С чем пожаловал? – без особой приязни поинтересовался толстяк.

– Поговорить.

Я уселся за стол, пригляделся и без особого удивления увидел, что в пухлых пальцах собеседника зажат *бес*.

– Говори, – поморщился Ленивец.

Все верно: особо радоваться моему визиту у него причин не было. И пусть с тех пор, как я выбил из него принадлежавшие Мешку Костей деньги, прошло уже немало времени, такое не забывается. С другой стороны, доложи я тогда Ошу, что Ленивец знал, в чей карман запустил руку, и для него все закончилось бы много-много печальней.

– У меня из-под носа увели одну вещь, очень надо ее вернуть. Сама по себе ценности она не имеет, но кое-кто должен был заплатить за организацию кражи немалые деньги.

– Ничего такого не слышал.

– Никто не трепался о хорошем заказе со стороны? – ничуть не расстроился я столь холодному приему.

– Треплются постоянно, большей частью привирают.

– Во-первых, заказ со стороны. Во-вторых, тот, кто провернул это дельце, набивать себе цену не будет. Трепать языком тоже. Отдаст долги, перестанет брать заказы, уйдет в тину. Загуляет. Или и вовсе пропадет. Что скажешь?

– Надо подумать, – нахмурился толстяк. – На меня ссылаться не будешь?

– Зачем? Мне даже исполнитель малоинтересен, все вопросы к заказчику.

– Насколько серьезное было дело?

– Дело было продуманное. Никаких мальчиков с кастетами и дубьем.

– Значит, молодняк в расчет не принимаем, – пожевал

нижнюю губу Ленивец. – Остальных можно по пальцам пересчитать.

– Карп, Грым, Аг Шанге, Жиль Закиль, Валентин Лист, – начал перечислять я.

– Карп в «Ржавой кирке» очередной срок мотает. Грыма в том году под пирс отправили. Шанге с Виком Реей чего-то не поделил и от греха подальше в Арлон перебрался. Лист спился, никто ничего серьезного ему не предложит. Жиль – Жиль мог.

– Кто еще?

– Август Вармине, Ник Лаурай, Якоб Ланц, Курт Бьорк...

– По ним что-нибудь скажешь?

– Август две декады назад в долг взял, но до сих пор не отдал...

– Возможно, исполнитель уже в канале с камнем на шее плавает, – предупредил я.

– Этот живехонек, я к нему позавчера парней отправлял. На нулях. Ник... – поморщился Ленивец и почесал лоб. – Ник гнильцу в человеке сразу чует. К делу, где от исполнителя избавиться собираются, он и близко не подойдет.

– Скользкий тип, – согласился я с толстяком.

– Остаются Закиль, Ланц и Бьорк. Поговори с ними, я тебе больше ничем помочь не могу.

– Точно?

– Точно. Разве что...

– Что? – заметив задумчивость собеседника, поторопил

его я.

– Ловкач мне долг вернул и от игры в карты на очень хороших условиях отказался. Но это еще ни о чем не говорит.

– Ловкач? Это Якоб Ланц который?

– Он самый.

– А с кем он работает?

– С Марти Шиллером какие-то дела обдeldывал, но не так давно между ними черная кошка пробежала. Хотя видели их вроде бы на днях вместе. А вообще он с Ивом Талансом в неплохих отношениях.

– Знакомое имя...

– Меняла с Монетного бульвара, – пояснил Ленивец и вдруг встрепенулся: – Да, когда Ланц от игры отказался, я к Закилю человека направил, но его найти не смогли. Он вообще как-то давненько уже запропал...

– Благодарю. – Я поднялся из-за стола. – Где Ловкача найти, не подскажешь?

– Он неподалеку от площади Грегора Первого квартиру снимает. Если в сторону порта по Янтарной идти – второй дом тебе нужен.

– А Марти Шиллер где обретаeтся?

– То тут, то там. За ним не слежу.

– Закиль?

– Комнату снимает на мансарде «Хромого бродяги».

– Там по-прежнему Ерш за главного? – припомнил я прозвище управляющего доходным домом.

– В том году еще преставился, – покачал головой толстяк. – Захар Сонник вместо него.

– Не знаю такого.

– Ничего не потерял, гнилой тип.

– Бьорк?

– С ним не работаю.

– Понятно. Будут проблемы, обращайся. Если узнаешь чего – тоже.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – скривился Ленивец. – Не надо нам проблем. Мы люди маленькие.

– Ну-ну, – фыркнул я, вышел в общий зал и махнул рукой допивавшему явно не первый стаканчик бренди Джеку.

Тот отсалютовал мне рюмкой, опрокинул в себя ее содержимое и нетвердой походкой направился на выход.

Но стоило захлопнуться за нами двери кабака, как с рыжего пройдохи в мгновение ока слетел весь хмель.

– Узнал чего? – поинтересовался он.

– Возможно, возможно...

Я накинул плащ на плечи и забрался в пролетку, не зная, как поступить дальше. Стоит ли пытаться найти кого-нибудь самому или задействовать Рауля? Стражники всяко этих темных личностей быстрее отыщут. Вот только не факт, что они отыщут их живыми. Одна оплошность, не там и не тогда оброненное слово, и наши оппоненты немедленно сыграют на опережение. И кто знает, нет ли у них прикормленных чинов в столичной Страже?

– Ну и?

– Пьер, ты знаешь кабак «Пьяный гарпунщик»? – вместо ответа поинтересовался я у возницы.

– О Святые! – закатил глаза парень. – Там-то нам чего понадобилось?

– Поговорить кое с кем. – Репутация у этого кабака была наисквернейшая, и не закрыли его до сих пор лишь потому, что хозяин время от времени делился со Стражей разными слухами. Слухами – и не только.

– Я туда не пойду, – заявил Джек. – Меня там знают. Придется людей вызывать.

– Да прям! – фыркнул я. – Мне только с хозяином парой слов перекинуться.

– То есть в «Парусе» мы пустышку вытянули?

– Кое-какую информацию проверить надо.

– Ой, темнишь ты чего-то!

– Отстань...

– Приехали, – настороженно озираясь по сторонам, окликнул нас Пьер некоторое время спустя.

И его беспокойство, вне всякого сомнения, не было беспочвенным. Грязь чуть ли не по щиколотку, пара нищих на перекрестке, стайка швырявшихся друг в друга какой-то гадостью оборвышей – и очень внимательные и настороженные взгляды прохожих, многих из которых, появившись они в приличном районе, немедленно поволокли бы в околоток трясти на предмет совершенных преступлений. Мрачные физионо-

мии, залатанная одежда, мутные взгляды опиумных курильщиков, а в довесок явственно читавшаяся на лицах решимость раздобыть хоть пару монет. Неважно как – главное, наскрести мелочи на выпивку, гашиш или продажную девку.

«Акуля пасть», что с нее взять.

– Давай-ка заезжай в переулок, – скомандовал моментально оценивший обстановку Джек. – Себастьян, шевелись.

– Ну надо же, какие мы нервные, – усмехнулся я и вылез из пролетки. Впрочем, мне и самому находиться здесь дольше необходимого не хотелось совершенно.

В отличие от «Рваного паруса», «Пьяный гарпунщик» не пустовал даже днем. Тусклое помаргивание светильников, клубы отдающего сладковатым привкусом дыма, стук костей, крики и ругань. Кого-то били в темном углу, кто-то с надрывом доказывал свою правоту. Вышибалы бесстрастно наблюдали за происходящим, готовые, впрочем, незамедлительно растащить буянов, начини те крушить и без того убогую мебель.

– Вам чего? – Разливавший по кружкам пиво хозяин заведения подслеповато сощурился и невольно охнул: – Себастьян?

– Собственной персоной, – усмехнулся я и обернулся к подвалившему поддатому завсегдаю.

– Сгинь, – скомандовал тому хозяин, и парня будто ветром сдуло. Старик отставил кружку с пивом, вытер руки о фартук и подозвал помощника: – Томас, смени меня.

– Ну, Крюк, как делишки? – поинтересовался я, когда мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж.

– Себастьян, Себастьян... – покачал головой хозяин и кинул фартук на табурет. – Какие у меня могут быть делишки? Так, срамota одна.

– Да? А мне показалось, заведение процветает...

– Нищebroды собрались, никакого толку с них, – отмахнулся Крюк. – Тебя сам прислал?

– Ты же знаешь, я с Мешком Костей больше не работаю.

– Ну, мало ли. Всякое бывает.

– Проехали.

– Зачем тогда пожаловал?

– Якоб Ланц давненько не появлялся?

– Не нашего полета птица, – поскреб болячку на подбородке кабатчик. – Он, как в гору пошел, сюда дорогу забыл.

– Бьорк?

– Тоже мимо.

– Марти Шиллер?

– Этот был недавно. Он к нам частенько заглядывает, – кивнул Крюк и всплеснул руками: – Постой! Ты ведь про Ловкача спрашивал?

– Ну?

– Марти на днях заходил, на безденежье жаловался. И обмолвился, мол, что он хоть и на мели, но с Ланцем работать никогда не будет. Тот его вроде охранником зазывал.

– Якобу понадобился охранник? – задумался я. Совпаде-

ние или удалось ухватить за кончик путеводной нити? – Ладно, благодарю за помощь. Если что – обращайся.

– Непременно, Себастьян, непременно, – засеменял за мной кабатчик. – И ты нас не забывай.

– Как можно! – усмехнулся я, спускаясь по лестнице на первый этаж, и, не выдержав, закашлялся от едкого дыма. Ну и гадюшник!

Вытирая слезившиеся глаза, направился на выход, и тут где-то неподалеку послышались глухой удар и шум падающего тела. Невольно вздрогнув, я обернулся поглядеть на разгоревшуюся потасовку. Обернулся – и едва успел предплечьем заблокировать удар невесты с чего решившего пырнуть меня ножом мужика. Длинный клинок лишь вспорол плотную ткань плаща, а в следующий миг я сбросил оцепенение и саданул нападавшего костяшками по тыльной стороне ладони. Нож полетел на пол, парень отпрыгнул к стойке бара, но с другого боку уже подскочил второй головорез.

Перехватив руку громилы, я крутнулся, присел и швырнул его через себя. Тот всем своим весом рухнул на стол, за всегдатаи с проклятиями метнулись в разные стороны, а в следующий миг кто-то со всего маху долбанул мне по скуле. В глазах вспыхнули искры, ноги подкосились, и я повалился на пол. Толком не успев прийти в себя, откатился в сторону, и миг спустя в плечо врезался едва разминувшийся с виском носок сапога.

Рука моментально отнялась, я извернулся и ужом заполз

под стол. Не самое надежное укрытие все же помогло выиграть пару мгновений, чтобы хоть немного оклематься, и, когда успевший подхватить оброненный тесак мордоворот вновь ринулся в атаку, каблук моего сапога угодил ему в колено. Нога убийцы подогнулась, он ухватился за спинку стула, вздрогнул – и рухнул лицом вниз. Немудрено: из спины у него торчала рукоять загнанного под лопатку ножа.

– Себастьян! – подскочил ко мне невесть когда сменивший ливрею на какие-то застиранные обноски Пьер. – Убираемся отсюда, живо!

– Подожди.

Я кое-как поднялся на ноги, глянул на рухнувшего на стол парня и скривился. Кто-то из потревоженных его падением забулдыг раскромсал бедолаге горло от уха до уха. То ли свое возмущение разлитой выпивкой таким образом выразил, то ли под шумок карманы обчистил. А скорее – и то, и другое.

– Я не имею к этому никакого отношения! Святым Гарольдом Авендумским клянусь! – поспешил уверить меня Крюк. Вышибала, зажимая рукой окровавленный лоб, попытался подняться с пола, но не удержался на ногах и повалился обратно. – Это пришлые!

– Все в порядке, забудь... – Я заковылял на выход.

На улице поддерживавший меня под руку парень изо всей мочи дунул в служебный свисток, и тотчас Джек подогнал к крыльцу пролетку.

– Гони! – Запихнув меня на скамью, Пьер запрыгнул на

подножку.

Пратт времени терять не стал и взмахнул поводьями:

– Нно! Пошли!

Когда мы выехали на соседнюю улицу, прямо на ходу вновь переодевшийся в ливрею Пьер сменил Джека, тот с ехидной ухмылкой оглядел мою рассаженную физиономию и покачал головой:

– Как знал ведь, нельзя тебе туда одному идти.

– Ерунда, – фыркнул я, потихоньку шевеля отбитой рукой. – Это не местные. Выследили нас, точно тебе говорю.

– Думаешь? – нервно оглянулся рыжий пройдоха. – Почему так решил?

– С хозяином я прекрасно пообщался – это раз. Вышибалу они вырубил – это два. Одного из громил местные забулдыги зарезали – это три. Ну и одеты слишком уж прилично для завсегдатаев были.

– Да и не выпустила бы нас так легко эта рвань баррикадная, – поддакнул Пьер.

– Час от часу не легче, – вздохнул Джек. – Ладно. Говоришь, с хозяином плодотворно пообщался?

– Поехали на площадь Грегора Первого, – распорядился я. – Нет, стой! Вон винная лавка, сбегай, купи бутылку бренди. И по пути в «Хромого бродягу» заглянуть надо.

– Ну ты вообще обнаглел! – покачал головой Пратт, потом внимательно меня оглядел и все же выудил кошель: – Пьер, сбегай, купи выпить подопечному.

– Ой, да не надо только! И сам бы в кабаке справился.

– А если бы местные второго не зарезали? – прищурился

Джек.

– Если бы да кабы...

– Как они сработали, кстати, – профессионально?

– Вполне, – прикоснулся я к рассаженной скуле. – Ребята не промах, но в такой обстановке им действовать точно не приходилось. Подкарауль они меня на улице, и ты бы сейчас отходную молитву старому приятелю заказывал.

– От него дождешься, как же. – Вернувшийся из лавки Пьер протянул мне квадратную в основании бутылку.

– Вот ты как заговорил? – встрепенулся Пратт. – Сдача где?

– Сдача? Какая сдача? – даже не обернулся к нам возница и взмахнул поводьями. – А! Сдача! Наверное, в дыру в кармане вывалилась.

– Зас...нец! – Джек развалился на скамье и толкнул меня в бок: – Ты пить не собираешься, что ли?

– Не делай так больше, – поморщился я и прижал бутылку к рассаженной скуле.

– Справился бы он! – фыркнул рыжий. – Шляпу потерял, плащ на помойку выкидывать можно.

– Иди ты знаешь куда? – зарычал я. – Все, проехали...

«Хромой бродяга» – доходный дом на закатной окраине – за последнее время изрядно пообветшал. Штукатурка пла-

стами обвалилась, на крытой черепицей крыше темнели про-
рехи. У парадного крыльца жильцы навалили целую гору му-
сора, дверь и вовсе была закопчена, будто под ней разводили
костер.

Да и сам район запаршивел не меньше. К грязи на улицах,
конечно, не привыкать – чай, не дворцовая площадь, но в
пресловутом порту и то чище. Я уж про физиономии прохо-
жих не говорю. Мало того, что рвань и пьянь, так еще чуть
ли не у половины глаза мутные, будто у снулой рыбы. Улич-
ные шлюхи из своих нор уже днем повылазили, а неподалеку
от перекрестка какой-то молодняк в помойной канаве костер
развел.

И куда, хотелось бы мне знать, наша доблестная Стража
смотрит?

– Развели гадючник, – с недовольным видом огляделся по
сторонам Джек. – Еще ведь недавно приличный район был,
а теперь как в порту.

– В порту лучше, – возразил я. – В порту все давно поде-
лено, беспредельщиков там сразу под пирсы спускают.

– Ты об этих, что ли? – кивнул на оборванцев у костра
Пратт.

– Угу.

В этот момент дверь какого-то непонятного заведения на
первом этаже дома напротив «Хромого бродяги» распахну-
лась, и оттуда на мостовую вылетел прилично одетый гос-
подин. Он рухнул прямо в грязь, с трудом поднялся на но-

ги и неровной походкой поплелся по улице. Оборвыши двинулись следом, но потом вдруг чего-то испугались и резко свернули в подворотню.

– Раз боятся, значит, стражники сюда еще заглядывают, – философски заметил Пьер.

– Они своего не упустят, – выбрался из пролетки Джек. – Свисток у тебя с собой? Если что – свисти. Мы спасем.

– Как бы вас самих спасти не пришлось.

– Глупости говоришь. – Рыжий пройдоха остановился на крыльце доходного дома, дожидаясь меня. – Да ты просто скажи, что Себастьяна Марта знаешь, и все сразу разбегутся.

– Ага, как те, в кабаке...

– Хватит трепаться уже. – Я распахнул перекошенную дверь и прошел внутрь. В нос сразу ударил едкий запах мочи и вонь подгорелой пищи. Ну и свежей блевотиной тоже, если не ошибаюсь, попахивает. Тот еще букет, в общем.

Дверь комнатухи консьержа оказалась приоткрыта, я подошел к ней и несколько раз легонько стукнул костяшками пальцев по косяку.

– Чего надо? – дыхнул на меня перегаром выглянувший на стук парень в грязной майке и домашних штанах с вытянутыми коленями. – Комнаты меньше чем на день не сдаем.

– Жиль Закиль у себя? – внимательно приглядевываясь к его опухшей физиономии, поинтересовался я.

– А вам-то что? – моментально насторожился консьерж. – Вы шпики, да? Шпикам тут делать нечего!

– Полегче на поворотах, – усмехнулся стоявший у меня за спиной Джек. – Тебе простой вопрос задали...

– Убирайтесь! – Парень ухватил приставленную к стене палку и оскалился. – А не то мигом с лестницы спущу!

Я спокойно отвел дубинку в сторону и резким ударом в подбородок сбил консьержа с ног. Подождал, пока он немного очухается и начнет, упираясь руками в пол, подниматься на четвереньки, и со всего маху пнул по ребрам. Консьерж отлетел к незаправленной кровати и ошалело затряс головой.

– Вы чего?! – завопил он, но тут же взвыл от боли, когда Джек врезал ему по ключице поднятой с пола дубинкой. Что-то хрустнуло, парень завалился на спину и заскулил от боли.

– Тебе задали простой вопрос: у себя ли Жиль Закиль? – примерился для нового удара Пратт, но для начала все же уточнил: – Не хочешь ответить?

– Нету! – взвизгнул консьерж, прикрывая голову левой рукой. Правая рука у него обвисла и не шевелилась. – Нету его, нету!

– А где он?

– В клубе!

– В клубе? Каком клубе?

– Просто клуб. Притон на первом этаже дома напротив.

– Если его там нет, мы вернемся, – пообещал я и забрал у Джека дубинку. Чувствую, она мне сегодня еще пригодится. Клуб, ну надо же!

– Мансарду не будем проверять? – уточнил рыжий, когда

мы вышли на крыльцо.

Какой-то заходивший в дом забулдыга попытался бесцеремонно отодвинуть его в сторону, Джек толчком в грудь толкнул грубияна прямо в помойную канаву. Пьяница выругался, но к крыльцу приближаться больше не рискнул.

– Не думаю, что консьерж врал, – покачал я головой и на всякий случай все же предупредил так и сидевшего на козлах пролетки Пьера: – Если вдруг увидишь светловолосого толстяка с отрубленным мизинцем на левой руке, пусть он нас подождет. Хорошо?

– Просто попросить его задержаться?

– Попроси или по башке дай, мне без разницы. Главное, чтобы он никуда не ушел.

– Понял? – издевательски усмехнулся Пратт. – Исполни!

– Откуда вы только взялись на мою голову? – не остался в долгу горестно вздохнувший Пьер.

Я на эту сентенцию ничего отвечать не стал и, постаравшись по уши не уделаться в грязи, перебежал через дорогу. Дернул ручку той самой двери, из которой выкинули прилично одетого господина, но она оказалась заперта.

– Кто там еще? – В открывшееся смотровое окошко на нас глянули два налитых кровью глаза. – Это закрытое заведение!

Вступать в споры с вышибалой я не стал и, прежде чем он успел захлопнуть окошечко, со всей мочи ткнул его в широкую переносицу прихваченной с собой палкой. Громила

моментально исчез из виду; мне же, привстав на цыпочки, без особого труда удалось нашарить засов и отодвинуть его в сторону.

– Очень непродуманная система, – вслед за мной проходя в распахнутую дверь, усмехнулся Джек.

– Ничему жизнь людей не учит, – согласился с ним я, переступил через валявшегося в отключке вышибалу и потянул носом воздух. – Опиумная курильня?

– Она самая.

Тут на шум прибежал какой-то хлыщ в надетой прямо на голое тело кожаной жилетке, углядел валявшегося на полу охранника и, ойкнув, попытался исчезнуть в витавших в помещении клубах дыма. Попытался неудачно – моментально нагнавший странного типа Джек ухватил его за ухо и вполсилы стукнул кулаком под ребра.

– А жарко тут у вас.

Я расстегнул куртку и окинул внимательным взглядом обстановку притона. Вот именно что обстановку – лежавшие на кушетках опиумные курильщики от мебели сейчас ничем в общем-то и не отличались.

– Я не здешний, просто зашел, – начал юлить хлыщ в жилетке. – Отпустите меня, а?

– Заткнись! – Джек выкрутил ему ухо, и парень, закусив губу, привстал на цыпочки.

– Жиль Закиль где? – Для убедительности я легонько ткнул содержателя притона дубинкой под дых, а потом по-

хлопал моментально обмякшего парня по щекам. – Ну-ну, не покидай нас. Где Закиль?

– Там, – махнул рукой в сторону одной из дверей тот, безуспешно пытаюсь набрать в легкие воздуха.

– Показывай, – не особо сдерживаясь, хлопнул его по спине Пратт, и бедняга едва не полетел кубарем, споткнувшись об одну из лежанок.

– Здесь он, здесь.

Парень провел нас в комнату, ничем не отличавшуюся от предыдущей. Разве что тут несколько курильщиков еще не впали в навеянное дурманом забытие и лениво наблюдали за поднимавшимися к потолку струйками дыма.

– Светловолосый толстяк, говоришь? – уставился на меня Джек, когда содержатель притона остановился рядом с лежанкой, на которой валялся худой, словно щепка, мужчина с осунувшимся лицом и расползшейся на всю голову плешью.

– Угу, – кивнул я мгновение спустя. Признать в этом задохлике Жилия удалось вовсе не сразу. Все мы меняемся, и меняемся далеко не в лучшую сторону, но не настолько же!

Пратт откинул дерюгу и проверил руку:

– Ну надо же! Насчет мизинца ты угадал!

– Что значит угадал? Я его и отрезал.

При этих словах содержатель притона вздрогнул и вновь попытался удрать, но его опять перехватил Джек:

– Стоять! Часто у вас Жиль появляется?

– Постоянно здесь околачивается, – не стал запираяться па-

рень.

– Ладно, пошли, – позвал я приятеля и направился на выход. – Этому даже картофельные очистки из мусорной корзины никто украсть не поручит.

– На площадь Грегора Первого сейчас? Там что?

– Там неподалеку один жулик квартиру снимает. Он это дельце легко провернуть мог, да и охранников на днях подыскивал.

– Охранников? Ну, тогда поехали...

Пока ехали, Джек преспокойно себе дремал. Меня аж зло разобрало. Тут пытаешься выход найти, мысли в голове, как очумевшие тараканы, носятся, а этот – спит. Вот ведь сволочь!

Я с превеликим трудом удержался от того, чтобы не отвести ему леща, потом огляделся по сторонам и успокоился: пролетка уже подъезжала к площади Грегора Первого. Впереди замаячила конная статуя основателя правящей династии, и Пьер придержал лошадей, пропуская выехавшую навстречу карету.

– Джек! – куда сильнее, чем требовалось, ткнул я приятеля локтем в бок, стоило нам свернуть на Янтарную улицу.

– А! Чего?! – встрепенулся тот.

– Приехали. – Я выскочил на мостовую и зашагал к парадному двухэтажного доходного дома.

– Так мы спорим? – нагнал меня Пратт и, прикрыв ладо-

нюю рот, широко зевнул.

– Чем ты ночами занимаешься?

– Работаю, – не моргнув глазом, соврал рыжий пройдоха. Или не соврал? Да кто этих рыжих разберет? Может, и в самом деле вкалывает.

– И как, печень еще позволяет столько работать? – Я хлопнул приятеля по пояснице и дернул ручку входной двери. Заперто.

– По себе людей не судят, – ухмыльнулся Джек и несколько раз стукнул молоточком.

– Тебе видней...

Тут за дверью послышались шаркающие шаги, и старческий голос довольно невежливо поинтересовался, какого бе-са нам надо.

– Стража! – громогласно рявкнул Пратт. – Отпирайте немедленно!

– Ой, Святые, что ж стряслось-то? – В приоткрывшуюся дверь выглянула сгорбленная старушка.

– Господин Ланц здесь проживает?

– Это Якоб-то?

Привратница, как замороженная, уставилась на предъявленную Джеком бляху старшего дознавателя, а потом судорожно принялась поправлять съехавший на один бок чепец. На мою рассаженную скулу она, по счастью, внимания не обратила.

– Он самый, – подтвердил Пратт.

– Здесь он живет, здесь. Третий год уже квартиру снимает...

– Сейчас у себя?

– Якоб-то? Нет, давненько уже куда-то запропал. С ним бывает.

– Когда последний раз появлялся?

– Да уж несколько дней не было. Несколько, да...

– Когда приходил последний раз?

– Дайте, Святые, памяти, – затеребила в руках платочек старушка. – Третью ночь он не является. Точно – третью! Плату пять дней назад подняли, и я...

– Какая квартира? – перебил бабушку Джек.

– Второй этаж, дверь налево. Да, как подниметесь, сразу налево.

– Ключ?

– Да где ж я его возьму? Нету у меня ключей, у домовладельца только...

– Придется дверь ломать. – Я по скрипучей лестнице начал подниматься на второй этаж и, перегнувшись через перила, подмигнул рыжему. Тот не подвел и состроил зверское выражение лица.

– Как же так? – залепетала старушка. – Не позволю!

– Пьер, тащи топор! – выглянул Джек к ожидавшемуся нас на улице парню.

– Не губите! С меня ведь вычтут... – запричитала бабка. – Не надо, родные...

– Ключ, – повторил Пратт.

Пустившая слезу бабка скрылась в своей каморке под лестницей, но вскоре вернулась обратно:

– Возьмите...

– Лови! – Пратт кинул мне ключ и обернулся к вошедшему с улицы Пьеру: – Отбой. Но ты не уходи, побудь пока с бабушкой. Побудь, побудь, ничего с пролеткой не случится.

– Проходи, милоч...

– Я в дверях постою, – отказался парень. – Имущество казенное, не расплачусь, если что.

– Окна квартиры куда выходят? – уточнил я у старухи. – Во двор или на улицу?

– Во двор...

Я поднялся на второй этаж, отыскал нужную дверь и принюхался. Показалось или в самом деле тухлятиной несет? Станный какой-то запах. Может, суп у кого прокис?

– Джек! Ничего не чуешь?

– Да вроде нет, – принюхался рыжий.

Я отпер замок, тихонько толкнул дверь и едва сдержал рвотный позыв – из квартиры так и шибануло мертвечиной. Кисло-сладкая вонь, казалось, заполонила собой весь дом, и шансы отыскать Ловкача живым стремительно пошли вниз.

Да чтоб тебя! Бесов праздник!

– Надо было спорить, – забрал у меня бутылку с бренди слегка позеленевший Джек и отступил к лестнице.

Настежь распахнув дверь, я зажал нос пальцами и прошел

в комнату. Покойник лежал на кровати с толстой пуховой периной, почерневшей от впитавшейся в нее крови.

Вот ведь гадство!

Я быстро прошел к окну, распахнул его настежь и выбежал обратно в коридор. Забрал у Джека бутылку и тщательно смочил в бренди носовой платок.

– И что ты собираешься там найти? – Пратт открыл запыленное окошко и жадно вдохнул свежего воздуха.

– Мало ли. – Я повязал платок на лицо и распорядился. – Отправляй Пьера за коронером и стражниками.

– Чего?

– Пьера! За коронером!

– Понял.

Джек побежал на первый этаж, я тяжело вздохнул и вернулся в квартиру Ловкача. В комнате с покойником задерживаться не стал и сразу заглянул на крохотную кухоньку. Орудия убийства долго искать не пришлось: они лежали прямо посреди стола на заботливо подстеленном полотенце. Пара ножей, трехзубая вилка, молоток и топорик. Все в засохшей крови и каких-то бурых ошметках.

Не тратя впустую на них свое время, я набрался решимости и отправился к трупу. Точнее, к тому, что от него осталось. А осталось от него не так уж и много – над Ловкачом явно поработали профессионалы. Местами – точно по живому – с мошенника содрали кожу, пальцы отрезали, колени и локти раздробили, а из распоротого живота торчали сизые

ленты кишок.

И лицо... Ух, лучше не смотреть, еще приснится...

Да уж, кто бы ни учинил это паскудство, нервы у него были просто железные. Даже раны прижигать не забывал, дабы клиент преждевременно от потери крови не умер. Это потом уже мошенника выпотрошили, как свинью.

– Выходит, мы остались без главного подозреваемого? – Вернувшийся через некоторое время Джек остановился в дверях, глянул на сожженное до костей лицо и оскальшпорованный череп и сразу присосался к бутылке. – Что будем делать?

– Ты знаешь, – я заглянул в очаг и, обнаружив среди углей лишь обгоревший кляп, задумчиво хмыкнул, – меня сейчас больше интересует другой вопрос...

– Зачем вообще его пытали? – сообразил Пратт.

– И это тоже.

И в самом деле: что такого мог знать обычный исполнитель? С какой целью его в буквальном смысле слова разделали на куски? Не из садизма – это точно. Слишком много возни для простого сведения счетов.

– А что еще?

– В первую очередь... – Я присмотрелся к вывороченному крючку на оконной раме и обернулся к Джеку: – В первую очередь меня интересует, зачем убийцы забрали с собой скальп! Вот скажи: ну зачем он им мог понадобиться, а?

Глава 4

Белый рыцарь. Слова и дела

Месяц Святого Огюста Зодчего

Второй месяц осени принес в Ольнас затянувшие небо от горизонта до горизонта тяжелые тучи и противный серый дождь. Ручьи моментально превратились в небольшие ручушки, вода в каналах поднялась и грозила в скором времени затопить набережные, дороги местами так и вовсе превратились в непролазные топи. Дождю не было видно ни конца ни края, на лужах вспухали и тут же лопались крупные пузыри, а стылый ветер рвал с деревьев пожухлые листья и распахивал надетые по случаю непогоды плащи.

Но то на улице. В герцогском замке было сухо и относительно тепло, гулявшие же по коридорам сквозняки не шли ни в какое сравнение с гонящими по двору опавшую листву вихрями. Книга, бутылочка бренди, теплый плед да придвинутое к камину кресло – и отвратительная погода не доставит ровным счетом никаких неудобств.

Книга, бренди, плед... Впервые за много лет Ричард Йорк завидовал тем, кто может позволить себе отложить все дела и устроиться у разожженного очага. И вовсе не из-за дождей и холодов, нет – причина царившего в душе Белого рыцаря смятения заключалась совсем в другом.

Просто он чувствовал, что проигрывает. Проигрывает навалившимся со всех сторон объективным обстоятельствам. И хоть на первый взгляд все шло, как и должно, а в его действия не закралось ни одной ошибки, командир Гвардии отчаянно хандрил.

Можно ли, ни разу не ошибившись, проиграть карточную партию?

Легко!

Когда против тебя играет краплеными картами сама судьба, победы не видать. Хоть из кожи вон вылезь – останешься в дураках.

Ричард давно уже чувствовал, что вскоре стряется какая-нибудь пакость. Чувствовал, но откуда ждать беды, как ни старался, понять так и не смог. Интуиция твердила одно, разум убеждал в обратном, и Белый рыцарь жутко устал, пытаясь докопаться до истины.

По всему выходило – причин для беспокойства нет ни малейших. Ланс, получив разрешение на провоз войск, с ходу в пух и прах разгромил армию Озерков. И пусть в Марне дела у еретиков шли вовсе не так успешно, исход вторжения был предопределен заранее. И Стильгу рано или поздно придется с этим смириться.

Казалось, можно расслабиться и наслаждаться жизнью, но Ричард просто не находил себе места от беспокойства. И поэтому, вместо того чтобы сесть и разобрать накопившиеся за последнее время бумаги, он накинул на плечи белый гвар-

дейский плащ и отправился обходить посты.

Вот только, несмотря на донимавшие рыцаря дурные предчувствия, все было в полном порядке: караульные исправно несли службу, а их сменщики прятались от дождя в казарме. Под конец Ричард Йорк заглянул в гостиную герцогини, но и там царил идилия. Гвардейцы не пили, не приставали к дежурной фрейлине и вообще вели себя так, как и подобает себя вести гвардейцам ее высочества.

Капитан кивком ответил на приветствия подчиненных и уточнил у занятой рукоделием Лиины:

– Ее высочество свободна?

– Ее высочество принимает графа Кимберли, – оторвавшись от вышивки, хитро прищурилась девушка.

– Ну надо же! – буркнул Белый рыцарь и отвернулся к выходящему во двор окну. В последние дни Сола проводила наедине с послом слишком много времени, и Ричарда это несколько не радовало. Разумеется, ее высочество вправе сама выбирать, с кем и сколько общаться, но Высший есть Высший. Как бы чего не вышло. – Насчет меня распоряжений не было?

– Нет.

– Замечательно. – Капитан уже собрался уходить, когда заметил маячившего под дождем на той стороне двора баронета Огалиса. – Что, Лиина, теперь у тебя воздыхатели под окнами мокнут?

– Где? – Отложив рукоделие, девушка выскочила из-за

стола и перегнулась через подоконник. – А! Этот...

– Зачем парня мучаешь? – усмехнулся Ричард.

– И вовсе не по мне он страдает, – фыркнула Лиина. – Да если и по мне, даром такой ухажер не сдался. Получше жених на примете имеется.

– Как скажешь. – Рыцарь поймал многозначительный взгляд фрейлины и отошел от окна в некотором замешательстве.

– Господин капитан! – заглянул в приоткрывшуюся дверь вестовой. – Вас Виилас вон Ямгайла спрашивает.

– Иду.

Ричард вслед за посыльным спустился по винтовой лестнице на первый этаж, выглянул во двор и призывно махнул рукой стоявшему у крыльца мужчине. Беседовать со старшим братом Локиса на всеобщем обозрении, да еще и под проливным дождем, капитан не собирался.

– Ну, Виилас, как успехи? – поинтересовался Белый рыцарь, когда провел гостя к себе в кабинет и налил вина. Сам пить не стал – выпивку он держал исключительно для таких вот случаев.

– За два десятка человек ручаюсь, – одним махом выпил вино озябший и промокший до нитки мужчина. – Если надо будет больше, тоже не проблема.

– Больше не надо, – покачал головой капитан и задумчиво потеревил мочку уха.

Два десятка отчаянных рубак способны на многое. Напри-

мер, перебить охрану графа Кимберли и дать возможность Ричарду на практике убедиться, действительно ли невозможно отправить к бесам Высшего. И хоть это была перспектива отнюдь не ближайшего будущего, но рыцарь для себя уже решил, что рано или поздно посла придется убрать. Слишком бурную деятельность тот развил. И слишком часто стал совать свой нос в чужие дела.

– Мало ли какая необходимость возникнет. – Виилас поставил на стол пустой стакан. – Имейте в виду.

– Видно будет. – Капитан отпер сейф и кинул собеседнику кошель, полный серебряных грошей.

– Да пока не за что...

– Бери, – настоял на своем Ричард. С казначеем найти общий язык ему удалось давным-давно, а потому недостатка в средствах капитан не испытывал. – Гвардейские мундиры привезли?

– Да.

– Замечательно, – повеселел рыцарь. – Присмотри, кстати, паренька посообразительней, я его во дворец пристрою.

– Есть такой на примете. Что-нибудь еще?

– Нет, пожалуй. Если понадобится, я тебя разыщу.

– Тогда до встречи. – И пожавший на прощание капитану руку Виилас вон Ямгайла покинул кабинет.

Оставшись в одиночестве, Ричард тяжело вздохнул и повалился в кресло. Если есть уверенность, что скоро все покатится в тартарары, – это вовсе не повод опускать руки. На-

оборот, именно в такой ситуации имеет смысл озаботиться приобретением колоды крапленых карт. Да и рассовать по рукавам парочку *святых* вовсе не помешает. Лучше уж заранее подсуетиться, чем потом локти с досады кусать. Или червей могильных кормить – в этой игре проигравшим рассчитывать на милость победителей не приходилось.

На начальника тайной жандармерии Ричард наткнулся, когда тот запирает дверь своих апартаментов.

– Ричард? – удивился Юрис Кястайла. – Ты ко мне?

– Я ненадолго, – постарался успокоить его Белый рыцарь. – Есть пара вопросов.

– Ну хорошо, заходи. – Выудив из кармана за серебряную цепочку часы, Юрис досадливо поморщился, потом со вздохом отпер дверь и предупредил: – У меня встреча в городе.

– Я понял. – Капитан прошел в пыльную комнатку и без приглашения развалился в кресле. – Не нравится мне все это...

– Что конкретно? – Кястайла присел на краешек стула, но тут же взял себя в руки и, распахнув плащ, устроился поудобней. – Или вообще все?

– Именно, что все. – Ричард не обратил внимания на прозвучавшую в словах собеседника усмешку. – Погода, посол, слухи. Затишье это еще, как перед бурей.

– С погодой ты не по адресу пришел, – начал напряженно размышлять над услышанным начальник тайной жандарме-

рии, – на посла я тоже никак повлиять не могу. А вот слухи... Что за слухи?

– Да начал народец шептаться: мол, преподобного Шумлиуса граф Кимберли чуть ли не собственноручно зарезал. Если так и дальше пойдет, скоро и очевидцы объявятся.

– Что за чушь?! – возмутился Юрис, а потом внимательно глянул на рыцаря. – Или не чушь?

– Чушь, чушь! – отмахнулся Ричард. – И надо бы как-нибудь подходчивей донести это до горожан. Одним посоветовать нос в чужие дела не совать, другим язык укоротить. Ну, не мне вас учить с чернью разбираться.

– Разберемся, – уверенно заявил Кястайла. – Как бы только это не происки Стильга были...

– Вот и я о том же. Разберитесь. – Капитан поднялся на ноги, но покидать кабинет не спешил. – И еще...

– Да?

– Я просил разузнать о бароне Могулисе...

– Чист! – вскочил со стула Юрис, будто вспомнил о чем-то важном. – Чист, как свежесвыпавший снег!

– Такое разве бывает?

– Барон слишком любит поесть и выпить, чтобы лезть в какие-то интриги, – уверенно заявил хозяин кабинета и подошел к двери. – По этому поводу можете не беспокоиться.

– Да я и не беспокоюсь, – пожал плечами Ричард, с затаенным злорадством наблюдая, как Кястайла безуспешно пытается унять дергавший левое веко тик. Неужели и в самом

деле торопится? – И последнее...

– Я опаздываю, – взмолился Юрис.

– Я вас провожу, – вышел из кабинета рыцарь и прислонился к стене, дожидаясь, пока начальник тайной жандармерии запрет дверь. – Та информация маркиза Юдолиса об убийстве Высшего в Нильмаре. Есть что-то новое?

– Его застрелили, – зашагал по коридору Кястайла. – Больше выяснить пока ничего не удалось. Если что узнаю, обязательно дам знать.

– Понятно. Ну, не смею вас больше задерживать...

– Всего доброго. – Юрис чуть ли не скатился по ступенькам.

– Всего доброго, – усмехнулся ему в спину Ричард. – Всего...

Как ни странно, настроение после разговора с Кястайлой у него заметно улучшилось. Вроде и полезного ничего узнать не узнал, но в неловкое положение шпиика поставил – и на душе сразу потеплело. А если шеф тайной жандармерии в запале своим людям хвосты накрутит, так и вовсе замечательно будет. Вдруг что интересное всплывет? Да и обывателям языки укоротить давно пора.

Выглянув в окно, Белый рыцарь немного поколебался, но все же решил по случаю собачьей погоды традиционную ежедневную тренировку сегодня не устраивать. Парням и так в последнее время несладко приходится. Давно пора с назначаем насчет повышения денежного довольствия потолкоч-

вать. Тот, конечно, будет отбиваться руками и ногами, но в единовременной выплате не откажет.

– Господин Лаурис! – обрадовался Белый рыцарь, заметив поднимавшегося по центральной лестнице казначея с перекинутым через руку дождевиком. – На ловца и зверь, как говорится!

– Что опять у вас стряслось, Ричард? – устало вздохнул Николас.

– У меня? – усмехнулся капитан, прекрасно понимая, что просто взять и в лоб попросить денег никак нельзя. Откажет, не задумываясь. На чистом инстинкте. – У меня все замечательно. А вот на вас жалуются.

– Раз жалуются, значит, хорошо работаю, – фыркнул казначей. – Знаете, Ричард, если я прямо сейчас не выпью стаканчик бренди, свалюсь с простудой. А это было бы очень некстати. Составите мне компанию?

– С удовольствием! – не раздумывая, согласился рыцарь. Под бренди денег просить куда как сподручней. Да и самому стаканчик пропустить не помешает. Хоть и в сухости, но сквозняки эти...

– Тогда пойдёмте.

Мужчины поднялись на второй этаж, прошли через отведенные на нужды казначейства помещения и уединились в угловом кабинете. Николас кинул мокрый плащ на подоконник, достал из шкафа пузатую бутылку и пару хрустальных бокалов.

– Мне на доньшко, – попросил развалившийся в глубоком кресле Ричард.

– Само собой.

Казначей протянул ему наполовину наполненный бокал, себе налил не меньше и одним глотком осушил выпивку. С шумом выдохнул, набулькал еще и принялся набивать трубку табаком. Пришедшая из Пахарты забава особой популярностью в Довласе не пользовалась, но любители подымить нашлись и при дворце.

– Отличный у вас бренди, – зажмурился капитан Гвардии, наслаждаясь послевкусием.

– И не говорите, – раскурил трубку Николас. – Только кончается быстро.

– Неудивительно, – чувствуя, как расходится по телу снижающее напряжение тепло, кивнул Ричард Йорк. Вообще, выпивку рыцарь особо не жаловал и обычно позволял себе лишь пару кружек пива за обедом. Но этот бренди действительно был хорош.

– Так говорите, жалуются на меня? – выдохнул длинную струю дыма казначей и с улыбкой откинулся на спинку кресла.

– Жалуются. – Ричард поставил пустой бокал на стол и потянулся за бутылкой. Плеснул бренди на самое доньшко и вновь откинулся в кресле.

– И кто, если не секрет?

– Барон Ханерг.

– Вот как? – затынулся казначей. – По поводу?

– Денег требуете, фураж не выделяете. Со сроками тянете.

И вообще – бумагами и отчетами завалили. Сплошной убыток по вашему ведомству, говорит, выходит. Его величество этого не одобрит.

– Солдафон медноголовый.

– Работа у него такая. – Капитан допил бренди и поднялся на ноги.

– Еще по маленькой? – предложил казначей.

– Пойду, пожалуй, – отказался Ричард и вдруг вспомнил, зачем, собственно, приходил. – Да! Как насчет подбросить денегат моим парням?

– Я посмотрю, что можно сделать.

– Очень на вас рассчитываю.

– Ко дню Святого Огюста – раньше не обещаю.

– Буду признателен. – Ричард распрощался с казначеем и отправился в караулку.

Жизнь потихоньку начала налаживаться, и даже дурные предчувствия перестали беспокоить, на время утонув в стакане превосходного бренди. Вряд ли что-нибудь случится, пока на дворе стоит такая собачья погода. А дальше... дальше видно будет.

Смех Ричард слышал еще на подходе к караулке. Заглянул внутрь и, обнаружив там травившего какую-то байку Юрги Могулиса, ничуть этому не удивился. За послед-

нее время смысленый паренек завел среди гвардейцев кучу приятелей, а с некоторыми из них так и вовсе успел крепко сдружиться.

– Здравствуйте, господин Йорк, – смутился при виде рыцаря Юрги.

Гвардейцы мигом прекратили ржать, но стереть с лиц улыбки получилось не у всех.

– Ну что, Юрги, хочю тебя обрадовать. – Рыцарь решил до поры до времени не обращать внимания на нарушения устава. – Заказывай белый плащ!

– Ура! – сразу оживился паренек и полез под стол. – Господин Йорк, я как чувствовал, у отца бочонок пива выпросил. Можно?

– Почему нет? – пожал плечами Ричард и уселся на лавку.

В другое время он бы велел ждать до вечера, но в крови играло бренди, бочонок был маленьким, и устраивать подчиненным разнос капитан не стал. Не захотел портить такой прекрасный день. Завтра. Завтра для начала они как следует побегают под дождем, а уже потом он проведет воспитательную беседу. Чтоб не расслаблялись.

– Держите. – Юрги передал рыцарю наполненную до краев кружку.

– Да мне не надо, – попытался отказаться тот.

– Хоть пригубите, – попросил паренек. – По такому случаю...

– Ну если по такому случаю... – Ричард поднялся со ска-

мьи и отсалютовал гвардейцам. – За нашего нового товарища! За Юрги!

После бренди пиво показалось кисловатым, и, сделав несколько глотков, капитан уселся обратно за стол. В голове зашумело, и Ричард понял, что выпивкой у казначея увлечься все же не стоило.

– Передавай отцу... – начал было Белый рыцарь, но тут стоявший у камина гвардеец выронил кружку, и глиняная посуда, ударившись о пол, разлетелась на черепки. А в следующий миг рухнул как подкошенный и сам караульный.

Раздались удивленные крики, еще один из гвардейцев уткнулся головой в колени и свалился со скамьи. Ричард попробовал встать из-за стола и не смог – ноги онемели, в голове все нарастал и нарастал странный шум, а перед глазами замелькали серые точки. Упершись локтями в столешницу, капитан до крови закусил губу и попытался поймать взгляд прижавшегося спиной к двери караулки Юрги.

Сейчас Белого рыцаря интересовало только одно: знал парень про подсыпанный в пиво яд или нет.

И хоть лицо Юрги через пару ударов сердца окончательно расплылось в серое пятно, заметить проскользнувшую по губам паренька самодовольную улыбку Ричард все же успел. Потом его руки подогнулись, стол неожиданно сильно боднул в лоб, и капитан Гвардии ее высочества Сола Альданы Кайраони, великой герцогини Довласа, перестал дышать.

Первое, что увидел Ричард, когда очнулся, была кровь. В крови оказались выпачканы его ладони и мундир, кровь залила столешницу и обломленное лезвие лежащего под рукой меча. Во всем мире остался только один цвет – красный, и почему-то это казалось рыцарю сейчас абсолютно нормальным.

Кровь, всегда кровь...

Тут капитан вспомнил, что должен дышать, и закашлялся. Рывавший легкие кашель никак не унимался, потом рыцаря вырвало, и дурманившее сознание наваждение начало развеваться. Ему вновь стало повиноваться занемевшее тело. Он вновь был жив.

Да и красный цвет потеснила некогда безраздельно царившая в караулке серость.

Привычно серым оказался потолок. Местами. Там, где не алела россыпь мелких брызг. И не темнели непонятные пятна. Непонятные, но одним своим видом почему-то вызывающие тошноту.

Ричард перевел взгляд с изгаженного потолка на отрубленную голову Юрги, потом перегнулся через стол и глянул на распотрошенное тело паренька. Испытал легкую дурноту, но сразу взял себя в руки. Доберись Ричард до Юрги в здравом уме, этот выродок мучился бы дольше, много дольше. Вот только, к несчастью, умирая, Белый рыцарь начисто забывал о штуке под названием здравый смысл, а его чувство юмора приобретало на редкость мрачный оттенок. На-

столько мрачный, что после возвращения к жизни ему самому обычно становилось от этого не по себе.

Гадство-то какое! – только и подумал капитан, поднимаясь на ноги. В темечко будто вбили раскаленный штырь, и, чтобы не упасть, рыцарь был вынужден опереться обеими руками о стол.

Умирать просто. Умирать Ричард привык. Воскресать – вот в чем проблема. Воскресать всегда было очень мерзко и неприятно. А выкинутые его слишком уж беспокойным телом шутки порой так и вовсе отбивали всякое желание жить. Ну, почти отбивали. Иногда они все же поднимали рыцарю настроение. Как, например, сейчас.

Ричард обвел взглядом забрызганную кровью караулку и вдруг заметил, как задергался колокольчик, шнур которого уходил в приемную герцогини. В следующий миг в голове у него что-то щелкнуло, и, подобно срывающему кожу бичу, по нервам ударил заполошный звон.

Рыцарь сорвался с места, подскочил к двери и только тут понял, что в одной руке у него обломанный меч, а в другой – ухваченная за длинные волосы голова Юрги. В голос выругавшись, капитан схватил висевший на стене цеп и выбежал в коридор. Спутанные и слипшиеся от крови волосы отравителя никак не поддавались, Ричард рванул их посильнее, а в следующий миг ему навстречу с лестницы выскочило трое незнакомых парней. У всех мечи, у всех на правом запястье повязаны красные банты.

Красные? Вы хотите красного?!

Ричард швырнул отрубленную голову Юрги в ближайшего заговорщика, следом метнулся сам и ударом цепа раздробил опешившему мужчине висок. Сообщник замертво повалившегося с ног бунтовщика обнажил клинок, но длинная цепь несколько раз обернулась вокруг него, и шипованный шар с размаху угодил незадачливому мечнику в запястье. Рыцарь выхваченным из ножен кинжалом добил обезоруженного противника и со всего маху ткнул рукоятью цепа в лицо третьему заговорщику. Тот взвыл и прижал ладони к выбитому глазу, Ричард без затей полоснул его по горлу и опрометью бросился к апартаментам герцогини.

И все равно опоздал: живых в гостиной к этому времени уже не осталось. Три зарубленных гвардейца, двое мертвцов с повязанными на запястья красными бантами и... выломанная дверь во внутренние покои!

Капитан метнулся к опочивальне, но сразу же как вкопанный замер на месте: в коридорчике вповалку валялось несколько тел. Кого-то зарубили, от кого-то остался лишь ссохшийся костяк, некоторых бунтовщиков и вовсе разорвала на куски неведомая сила.

– Решил сменить цвет мундира на красный? – ослабил стоявший в дверях граф Кимберли. Выглядел босой посол просто жутко: бок был распорот, из живота торчала пята арбалетного болта. Высший, чтоб его...

– Вроде того, – с облегчением перевел дух Ричард. – У вас

все в порядке?

– Да, – из спальни выглянула закутанная в халат герцогиня.

Капитан кивнул и, заслышав топот солдатских ботинок, вернулся в гостиную.

– Перекрыть все выходы и прочесать замок! – скомандовал он, когда в дверях показались запыхавшиеся гвардейцы. – Лациса ко мне!

– Я здесь, – растолкав парней, прошел в гостиную лейтенант.

– Отправь вестового в город, пусть перекроют все ворота. Никого не впускать и не выпускать! И разыщи Кястайлу, – начал отдавать распоряжения Ричард. – Пошли десяток человек в усадьбу Могулиса, барон нужен мне живым. Родственников заговорщиков – под арест.

– Десятка мало будет, – задумался Лацис.

– Тогда отправляйся сам, людей возьми, сколько сочтешь нужным. И не мешкай!

– Хорошо.

Ричард направился обратно в опочивальню герцогини и уже в коридоре столкнулся с бледной, словно мел, фрейлиной, которая опиралась о стенку, чтобы не упасть.

– Лиина, Лиина... – Рыцарь помахал перед лицом у девушки ладонью, но той от вида перепачканных в крови пальцев стало только хуже. Капитан обхватил фрейлину за талию и вывел в гостиную. – Лиина, что случилось?

– Да я и не поняла толком ничего, – придя в себя, ответила девушка. – Меня Яцис сразу в коридор закинул. Я дверь заперла и к ее высочеству побежала.

– Дальше что?

– Дальше дверь выломали, а господин посол всех убил...

– Все уже закончилось, все уже закончилось, – попытался успокоить разрыдавшуюся Лиину Ричард. – Посиди пока здесь, я попрошу кого-нибудь тебя проводить.

– Хорошо...

Капитан Гвардии окинул внимательным взглядом топтавшихся у дверей гвардейцев, велел им приглядывать за фрейлиной и поспешил к герцогине. Когда он заглянул в опочивальню, граф Кимберли уже собирался уходить. Извлеченный из страшной раны арбалетный болт валялся на полу, и было непохоже, что посол испытывает хоть какое-то неудобство из-за полученных ранений.

– Вообще, ваше высочество, я рассчитывал на более спокойное времяпрепровождение, – раздраженно заявил граф. Впрочем, помимо злости, Ричард сумел уловить в его голосе еще и тщательно скрываемый испуг.

– Приношу свои извинения, – как-то очень уж равнодушно ответила успевшая переодеться Сола. – Надеюсь, такого больше не повторится.

– Ничуть в этом не сомневаюсь, – поклонился на прощание граф Кимберли и вышел из спальни.

– Проводите господина посла, – выглянув в коридор,

- рвякнул капитан и обернулся к герцогине: – Ты в порядке?
- Нормально, – отмахнулась та. – Ричард, что происходит?
- Пока не знаю, но в этом как-то замешан барон Могулис. Его сынок отравил меня и парней в караулке.
- В этот раз ты умер очень уж не вовремя, – поежилась Сола. – От неожиданности я зачерпнула из Генриха слишком много...
- Он показался мне напуганным, – кивнул капитан.
- Боюсь, теперь граф ко мне и близко не подойдет, – невесело рассмеялась герцогиня. – А жаль. В нем целое море силы. Целое море...
- Благодарю, что опять спасла мою шкуру.
- Не за что. Куда я без тебя? – только и вздохнула Сола. – Да! Распорядись уже, чтобы убрали мертвецов.
- Разумеется. Что делать с живыми?
- Колесовать. Четвертовать. Посадить на кол. Живьем содрать кожу. – О чем-то задумавшаяся девушка замолчала, а потом недобро улыбнулась. – Но вообще подойди к делу творчески. У тебя раньше это неплохо получалось.
- Как скажешь.
- И оповести всех членов малого совета, что я желаю их видеть.
- Прямо сейчас?
- Нет. Когда проявятся первые результаты расследования.
- Тогда ближе к ужину, – решил Ричард.
- Хорошо. И переоденься, не пугай людей. А то прямо как

в старые добрые времена...

– Не сказал бы, чтобы они были такими уж добрыми, – поморщился Белый рыцарь и покинул опочивальню ее высочества. Добрые, ну надо же!

К вечеру замок стал еще больше походить на муравейник, в который злые мальчишки сунули горящую палку и хорошенько ею там поворошили. В срочном порядке отмывалась со стен и полов кровь, ремонтировались двери. Следователи тайной жандармерии раз за разом допрашивали находившуюся в момент нападения в замке челядь, их коллеги разъехались по всему городу, разыскивая тех, кто по какой-то причине не вышел сегодня на работу. Трупы давно вывезли за город и сожгли, лишь две головы стали украшением ворот – барона Могулиса и его непутевого сыночка Юрги.

В помощь Гвардии в замок перекинули одну из рекомендованных маркизом Юдолисом пехотных частей, но спокойней от этого Ричарду не стало. Пусть он и сплавил часть задач поступившему ему в подчинение лейтенанту Майрису вон Кияле, все одно гвардейцам приходилось контролировать буквально каждый шаг армейских дуболомов.

Да и не только в неожиданном пополнении крылась причина дурного настроения Белого рыцаря. Просто слишком неутешительными оказались результаты расследования. И слишком часто замечал он растерянность в глазах тех, кому собственным поведением пристало показывать пример дру-

гим.

И ко всему прочему никак не удавалось понять самого главного: чего ради барон Могулис вообще заварил всю эту кашу.

– Что, совсем никаких зацепок? – нахмурилась собиравшаяся на малый совет герцогиня.

– Зацепки есть, результатов нет, – поморщился Ричард. – Барон покончил с собой, старший и средний сыновья в бегах.

– Исполнители?

– Наемники. Все как один – перекаати-поле. Ни кола ни двора. В замок их провезли в фургоне с провизией. Пособников из числа прислуги они зарезали в первую очередь.

– Барон должен был изрядно потратиться на головорезов...

– Казначейство проверяет состояние его дел. Может, что-нибудь и отыщут.

– Кястайла? – Сола достала было из шкатулки ожерелье, но передумала и решила обойтись на предстоящем собрании без украшений.

– Не далее как сегодня утром он заверил меня, что барон невинен, будто младенец.

– Юрис погорячился.

– Не то слово! – фыркнул капитан Гвардии.

– Тебе не кажется, что он не справляется? – задумалась герцогиня.

– У вас есть на примете подходящая кандидатура? – заин-

тересовался Ричард, который и сам был не прочь посадить на место Кястайлы кого-нибудь более деятельного. И, чего уж там греха таить, более сговорчивого...

– Пока нет. Но текущее положение дел меня не устраивает категорически. Подумать только – убийцы врываются ко мне в опочивальню! Когда такое было?!

– Десять лет назад, – напомнил рыцарь.

– Но тогда мы их ждали!

– Тоже верно, – пожал плечами Ричард и распахнул дверь. – Нам пора.

– Ничего страшного, подождут, – отмахнулась выбиравшая веер Сола. – Что со слухами, на которые жаловался Генрих? Ну, насчет его причастности к убийству преподобного Шумлиуса?

– Кястайла обещал разобраться.

– Вот и посмотрим, как он с этим справится! – решила повременить с отставкой начальника тайной жандармерии герцогиня. – И пусть проверит, нет ли связи между слухами и сегодняшним покушением. Могулис не мог действовать сам по себе. Надо выяснить, кто его подбил на эту авантюру.

– Стилъг? – предположил капитан.

– Это слишком очевидно, чтобы оказаться правдой, – покачала головой Сола. – Но барон от моей смерти не выигрывал абсолютно ничего!

– Вот это мне и не нравится, – вздохнул Белый рыцарь и нахмурился. – Я даже словами передать не могу, насколько

мне это не нравится...

В свои апартаменты Ричард вернулся уже за полночь. Усталое повалился в кресло и вытянул гудевшие от усталости ноги. С минуту посидел, потом нехотя подошел к шкафу и вытащил из него бутылку «Дубрской лозы». Налил в небольшой серебряный стаканчик крепленого красного вина и вновь уселся в кресло.

Вот и опять Сола вытащила его с того света. В который уже раз...

Белый рыцарь вдохнул аромат вина и едва сдержал рвотный позыв. Вино он на дух не переносил, а злосчастную «Дубрскую лозу» так и вовсе люто ненавидел и все же не выпить стаканчик этой гадости сегодня просто не мог. Это помогало ему не забывать, кто он есть. Что он не жалкая марионетка, но сын своего отца.

Ричард в один глоток влил в себя сладкое вино и сморщился, будто вновь, в который уже раз, глотнул яду.

Сын своего отца – да. И никак иначе.

Глава 5

Экзорцист. Чужие отражения

Месяц Святого Огюста Зодчего

Когда все с самого начала идет наперекосяк – особых эмоций это, как правило, уже не вызывает. Чего впустую слова переводить? Делом заниматься надо. Руки в ноги – и пошел. А вот когда тебя подбивают на взлете, тут-то руки и опускаются. И как после такого не дать выход своему гневу?

Вот Джек на протяжении последней четверти часа и крыл почем зря святых, еретиков, собственное начальство и даже мертвого мошенника. Прерывался он лишь перевести дух да хлебнуть бренди. Я уж было вознамерился изъять у него бутылку, но тут рыжий взял себя в руки и отправился давать указания вернувшемуся со стражниками Пьеру.

– Рауля в известность поставить? – спросил он меня, оставившись в дверях. – Или Паре?

– Не стоит пока, – ответил я и принялся изучать правую руку покойника. А точнее – содранные тут и там лоскуты кожи. Трогать тело до приезда судебного медика было не дело, но кое-что получилось разглядеть и так.

– Как знаешь, – пожал плечами Джек и вышел в коридор. – Глядишь, дали бы указание Страже, вдруг чего и наскребет...

Стража – и наскребет?

Нет, сотрудничество со Стражей интересовало меня сейчас меньше всего. Другое дело труп. Чем дольше я на него смотрел, тем больше вопросов появлялось: к примеру, если одни раны нанесли с садистски выверенной точностью, то в основе других лежала ничем не мотивированная жестокость.

Убийц было двое? Или не в этом дело?

Но что самое непонятное – кроме скальпа пропали и куски содранной кожи. Пальцы отрубленные – вот они, все двадцать штук у кровати сложены, уши и нос здесь же валяются, а скальпа с лоскутами кожи нигде нет. И в очаге их точно не спалили, вот ведь какая ерунда!

Странно. Странно и непонятно.

А непонятного в нашем деле быть не должно.

– Как ты только к нему прикоснуться можешь? – с отвращением спросил вернувшийся в комнату Джек. – Я как гляну, мне аж дурно становится! И вонь эта еще!

– Я думал, люди твоей профессии к покойникам быстро привыкают.

– Привыкают. Но не до такой же степени! Ты еще длину кишок измерь!

– Надо будет, измерю.

– Святые! – Пратт хлебнул бренди и покачал головой. – А я думал, люди твоей профессии обучены трупы делать, а не копать в них.

– Да как тебе сказать... – Я поднялся с колен и отошел к

открытому окну. – Ты Леона помнишь?

– Это которого в Сарине зарезали? Помню. А что?

– Ему на Лемском поле сухожилие перебили. А мы как раз отступали. Идти Леон не мог, подышать не хотел. И знаешь, что он сделал?

– Нет.

– Зарылся в кучу трупов, да так и пролежал в ней без малого сутки. А как наши в наступление перешли, вылез.

– Ты зачем мне эти гадости рассказываешь? – не на шутку разозлился Джек. – У меня и так несварение от всего этого будет!

– Это к твоему вопросу о брезгливости, – усмехнулся я и попросил: – Помоги мне его на спину перевернуть.

– С какой стати? – не сдвинулся с места Пратт. – Не трогай ничего, сейчас коронер приедет.

– Коронер как приедет, так и уедет, а нам с тобой это дело расследовать. Помогай давай!

– Зачем?! Ты объясни толком!

– Ладно, смотри, – задумался я, как бы подступней выразить свои подозрения. – Его пытали?

– Похоже.

– Не похоже, а точно пытали. Это сразу видно. Но что такого мог знать Ловкач?

– Может, он заказчика кинул?

– Якоб рассказал бы обо всем на свете после первого же отрезанного пальца.

– Выходит, либо он не знал правильных ответов, либо очень сильно наступил кому-то на большую мозоль.

– Я тоже так поначалу решил. Тем более скальп пропал. Это же в Пахарте скальпы с мертвых врагов снимают, да?

– Не только с мертвых, как мне говорили.

– Но! – Я ткнул указательным пальцем в потолок и повысил голос. – У нас двойственная ситуация! Некоторые раны нанесены взвешенно и обдуманно, явно с целью причинить боль. А остальные как-то очень уж небрежно и одним скопом.

– С чего ты это взял? – заинтересовался Джек.

– Часть ран прижигали. Остальные... ну, ты видишь, да? – указал я на пропитанную кровью перину. – Такое впечатление: убийцы получили то, что хотели, но продолжили экзекуцию.

– Мечь? Или предупреждение?

– Какая-то странная мечь. И потом, обрати внимание на содранную кожу. На правой руке от локтя и до ключицы живого места нет, а на левой ободрано лишь запястье да ожог на бицепсе. И на ногах и груди та же картина. Кстати, заметь – веревки, которыми его к кровати привязывали, уже обрешаны.

– Ну и что это значит?

– Это значит, тебе придется помочь мне перевернуть тело!

– Иди ты! Я голыми руками к нему не прикоснусь!

– Возьми наволочку в шкафу.

– Ну, если только наволочку. Но ты уверен, что это необходимо?

– Да.

– Что – да? Ты объясни толком!

– Я осмотрел всю квартиру и не нашел ни кусочка содранной кожи.

– Убийцы и ее с собой унесли?! – опешил Пратт.

– Похоже на то. Нет, за ноги берись.

– Ты хочешь сказать: были срезаны татуировки? – сообразил вдруг Джек, помогая перевернуть покойника на живот.

– Странно, не правда ли?

– И тут тоже, – разочарованно буркнул рыжий, когда мне кое-как удалось отодрать присохшую к спине трупаволочку. – И не лень им было?

– А ты сюда посмотри! – ткнул я пальцем под колено мертвецу. – Одну пропустили!

– Минога?! – изумился Пратт, разглядев блекло-синюю татуировку. – Но ведь...

– Это не Якоб Ланц! Это кто-то из людей Тео Миноги! – Я сорвал с лица вымоченный в бренди платок, тщательно протер им перчатки и выкинул в очаг. – Пошли!

Мы поспешили покинуть пропахшую трупным запахом комнату, спустились на первый этаж и уже в дверях столкнулись с прибывшим на вызов коронером, которого сопровождали трое стражников.

– Дверь открыта, – подсказал им Джек и вышел на улицу.

– Фу! – демонстративно зажал пальцами нос дожидавшийся нас в пролетке Пьер. – От вас пахнет!

– Проветримся, – фыркнул я, забрал у Джека бутылку и приложил ее к сильней прежнему разболевшейся скуле.

– Куда едем?

– В порт, к отделению Стражи, – кивнул Пратт и повернулся ко мне: – Ну, что скажешь?

– Ловкач не смог договориться об охране с Марти Шиллером и столкнулся с Миногой. В итоге что-то пошло не так. Либо мошенник не заплатил, либо люди Тео угодили в переплет.

– И Минога отправил кого-то из своих уладить это недо-разумение.

– Вот только жулик наткнулся на очень злых и решительных людей...

– Которые сначала допытывались, где им искать Ловкача...

– А потом, чтобы выдать образовавшийся труп за хозяина квартиры, изувечили ему лицо, сняли скальп и срезали воровские татуировки.

– Вы так хорошо все рассказываете, – обернулся вдруг к нам Пьер. – Может, нам уже не ехать в порт?

– Почему нет? – насторожился Джек.

– Думаете, вашего Миногу еще не отправили под пирс?..

Пьер оказался прав: Тео Минога и в самом деле как

сквозь землю провалился. Сколько ни трясли стражники своих осведомителей, никто ничего толком по этому поводу поведать так и не смог. Пропал Минога – и пропал. Странно, но с кем не бывает?

Пришлось отправляться на Монетный бульвар – других зацепок у нас больше не было.

Монетный бульвар – одно из самых спокойных мест Ак-раи. Обретавшиеся тут ювелиры, менялы и содержатели ломбардов не скупилась на оплату услуг частных охранников и потому почтенной публике не досаждали уличные попрошайки, карманники и мелкие мошенники. Да и празднующихся зевак приглядывавшие за порядком дюжие парни тоже не жаловали – клиентура местных обитателей времени на бесцельные шатания по бульвару обычно не тратила.

– Отгони пролетку в переулок, – распорядился Джек, и Пьер поспешил выполнить приказ.

Я усмехнулся и распахнул дверь меняльной лавки достопочтенного Ива Таланса. Пратт последовал за мной и с кислой миной огляделся по сторонам. Темная комнатка, несколько закрытых шкафов, пара ведущих во внутренние помещения дверей да длинный прилавок. За прилавком высохший от старости старик, кутавшийся в поношенный домашний халат. У двери – мордovorот с дубинкой на поясе.

– Чем могу служить, господа? – без особого почтения поинтересовался оторвавшийся от записей хозяин лавки и,

отодвинув на край прилавка медный подсвечник, подслеповато сощурился.

– Пусть выйдет, – кивнул на охранника Джек и выложил на стол служебную бляху.

– Пройди в заднюю комнату, – распорядился Таланс, по лицу которого явственно промелькнула тень раздражения. Ну, да и верно – визит нашего брата ничего хорошего ему не сулил. – Что вам угодно?

– Якоб Ланц, – коротко бросил Пратт.

– Его здесь нет.

– А где его можно отыскать?

– Понятия не имею.

– А здесь он когда появиться должен?

– Это у него надо спрашивать, – ворчливо заметил хозяин лавки и перешел в наступление: – И вообще, что происходит?

– Мы хотим задать господину Ланцу несколько вопросов, – улыбнулся Джек, прекрасно понимая, что выбивать показания из почтенного менялы обычными методами не стоит ни в коем случае. Да и зачем это? Как только Таланс просчитает ситуацию, сам всех с потрохами сдаст. – С вашего позволения мы его подождем.

– Воля ваша, – как горькую пилюлю воспринял это известие старик. – Но сегодня он вряд ли здесь объявится.

– Значит, нам придется задержаться тут на несколько дней, и только, – подлил масла в огонь я и уселся на стул пе-

ред прилавком. – Мы никуда не спешим.

– Но...

Попросить нас убраться восвояси и не мешать ему работать старик не успел: над входом звякнул колокольчик, и в лавку заскочил Якоб Ланц собственной персоной. Заскочил, в изумлении уставился на меня и попятился на выход. Пятился Ловкач недолго: мгновение спустя с грохотом распахнувшаяся дверь наподдала ему под зад и, нелепо взмахнув руками, мошенник отлетел к прилавку.

– Это что еще за дела? – Джек удержал Якоба от падения и вопросительно глянул на меня: – Себастьян, а?

Я не ответил. Я смотрел на по-хозяйски прошедших в лавку двух невысоких и жилистых парней. Несмотря на вполне приличную и опрятную одежду, облика они были самого что ни на есть бандитского. Эту публику ни с кем не спутаешь. Но жулики-то что здесь забыли? Неужели тоже Ловкача пасли?

– Ах вы! – в сердцах выкрикнул Якоб, крутнулся на каблуке и кинул в одного из парней колоду карт.

Тот ловко подставил руку и взвыл от боли, когда спрятанная меж карт стальная пластина рассекла ладонь. Ранение, впрочем, не помешало налетчику ухватить выскочившего на шум охранника за грудки, пару раз хорошенько приложить его головой об стену, а потом, будто сломанную куклу, отшвырнуть прочь.

Ловкач решил предоставить возможность разобраться с

незванными гостями кому-нибудь другому и, стремительно сиганув через прилавок, скрылся в задней комнате. Взбешенный Пратт кинулся врукопашную, я же так горячиться не стал и, выхватив из-под куртки бутылку с бренди, метнул ее в раненого парня. Результат меня просто поразил: жулик неуловимым движением отклонился – тяжелая бутылка вдребезги рассадила оконное стекло, – шагнул навстречу Джеку и стремительным ударом в грудь сбил того с ног.

Это рыжего-то пройдоху, резкого, как удар хлыста!

Второй бандит выудил из кармана складной нож и кинулся ко мне. Подцепляя ногтем лезвие, он на миг отвлекся, за что немедленно и поплатился: ухватив стоявший на прилавке медный подсвечник, я со всего размаху саданул его по лицу. Парень как подкошенный рухнул на пол, а в следующий миг позади меня щелкнула арбалетная струна. Намеревавшегося добить Джека жулика отбросило к стене, и он медленно сполз по ней на пол, тщетно силясь выдернуть засевший в груди болт.

Собственноручно подстреливший налетчика хозяин лавки принялся с кряхтением взводить арбалет, я вцепился сбитому мной с ног парню в волосы и со всей силы ткнул его мордой в пол. Тот дернулся, вновь попробовал высвободиться, и пришлось опять впечатать его в залитые кровью доски.

А потом еще раз. И еще. И еще.

– Ты убьешь его! – навалился на прилавок пытавшийся восстановить сбитое дыхание Джек.

– Не учи отца, – поморщился я. Парень затих только после шестого удара. – И не дай удрать Якобу.

– Это Ланц? – только тут сообразил Пратт, перескочил через прилавок и забрал у хозяина лавки уже взведенный арбалет. – Все в порядке, папаша, не стоит так горячиться.

– У меня есть разрешение! – вспылил тот.

– Да ради Святых!

Джек спустил струну арбалета, вернул оружие старику и метнулся в заднюю комнату.

Мгновение спустя послышались звуки борьбы, приглушенные ругательства, а потом из двери вылетел растрепанный Ловкач. Не теряя времени, Пратт заломил ему руки за спину и принялся затягивать на запястьях мошенника выуженный из кармана шнур.

– Ты представляешь, Себастьян, этот подлец в окно удрать хотел, – сообщил мне рыжий.

– Мы к нему со всей душой, понимаешь, а он в окно, – переведа дух, усмехнулся я. – Нехорошо.

– Нехорошо, – поддакнул Пратт. – Чего ты возишься?

– Да так.

Я положил левую руку на затылок бандита, и ладонь закололи холодные искорки скверны, а миг спустя пальцы и во все свела судорога. Хозяйничавший в душе марионетки бес не сразу понял, что происходит, а потом уже стало поздно – одним рывком я вырвал нечистого и, скрутив, будто мокрую тряпку, отжал из него потустороннюю силу. Одержимого на-

чала бить крупная дрожь, он выгнулся дугой, из носа и рта хлынула кровь. Но агония длилась недолго, и вскоре парень, перестав дышать, неподвижно замер на полу.

– Чего это с ним? – перегнулся через прилавок донельзя удивленный произошедшим Джек.

– Помер.

Я поднялся на ноги и затряс кистями рук. Скверна колола пальцы, в каком-то дальнем уголке моей души сплелись в беспрестанно шевелившийся клубок заточенные там бесы, да и в целом самочувствие оставляло желать лучшего. Хотя чего уж там – еще легко отделался.

– А! – только тут сообразил, что произошло, Пратт. – Они, стал быть, из этих?

– Именно, – кивнул я, скатывая доставшуюся мне от беса скверну в один коловший холодом комок. – Эй, хозяин, дверь запри и никого в лавку не пускай. Мы своих людей за покойниками пришлем.

– А если Стража нагрянет? Что мне им говорить? – завозмущался хлопотававший над охранником Таланс. – И лекарь нужен.

– Лекаря зови, – разрешил я и принялся стягивать с бесноватого куртку. – А стражникам скажешь, что у тебя в лавке неизвестными был убит некто Якоб Ланц. – Ловкач при этих словах заметно вздрогнул. – Но одного бандита ты застрелил, а второго задержали господа из дворцовой охраны.

– Ты чего это? – уставился на меня Якоб. – Себастьян, ты

чего задумал?

– Накинь на него. – Я швырнул перепачканную в крови куртку Джеку и присел рядом со вторым бандитом, даже после смерти продолжавшим сжимать торчащую из груди пята арбалетного болта. – И лицо. Лицо закрой.

– Э-эй!.. – начал было голосить Ловкач, но сразу же осекся, когда Пратт легонько ткнул его в печень. Потом Джек с хлопком разложил вытащенный из кармана холщовый мешок и, ловко накинув его на голову мошеннику, затянул завязки.

– Не задохнется? – забеспокоился я, поднимаясь на ноги.

Сомнений насчет второго бандита не осталось ни малейших – еще одна марионетка. И вот что странно: лицо его мне было определенно знакомо. А где, когда пересекались, вот так сразу даже не скажу. Но вертится, вертится в голове что-то такое. Что-то из прошлой жизни...

– Не успеет. – Пратт накинул на плечи мошенника окровавленную куртку и погнал того на выход: – Давай! Шевели копытами! Пошел!

Я распахнул дверь, и вытолкнувший Ловкача на улицу Джек тотчас достал служебный свисток. Уже спешившие к лавке охранники замерли как вкопанные, и тратить время на разбирательства с ними не пришлось: мы запихнули мошенника в остановившуюся у крыльца пролетку и запрыгнули следом.

– Поехали! – скомандовал я, забравшись на козлы к Пье-

ру.

– Куда? – флегматично уточнил парень.

– Во дворец! – рявкнул Джек. – Гони давай!

– И не надо так кричать, – взмахнул поводьями возница. –

Но! Пошли!

– Похоже, мы сорвали банк? – толкнул меня в спину Пратт, не забывавший тем не менее внимательно поглядывать по сторонам. Еще не хватало с уловом на руках в какую-нибудь передрыгу угодить!

– Учитывая, что за этим гавриком охотились марионетки, так оно и есть, – потирая лицо, кивнул я.

– У тебя скула зажила, – удивился Джек.

– Ерунда.

– Как скажешь. – Рыжий пихнул в бок заворочавшегося на скамье Якоба, и тот моментально успокоился. – Что по марионетке?

– А что по марионетке? – пожал плечами я. – Родился, воровал, угодил в «Ржавую кирку», отправили на полночь – и обрыв. Меня другое беспокоит: второй жулик знакомым показался.

– Встречались раньше?

– Хоть убей, не помню. Но я его точно где-то видел. Ты своих людей в лавку отправишь?

– Само собой.

– Пусть по картотеке его проверят. Мне нужно имя.

– Хорошо.

Монетный переулочек располагался в пяти минутах езды от дворца, улицы здесь были широкие, народу немного, и Пьер в два счета примчал нас на место.

– На территорию заезжать?

– Да. И никуда не уходи, понадобится еще.

– И нет старику мне покоя, – тяжело вздохнул Пьер, но распоряжение выполнил и подогнал пролетку к воротам.

Дежурившие там «серые сюртуки» с удивлением уставились на непонятную фигуру в окровавленной куртке и с мешком на голове, но Джека здесь знали и препятствий нам чинить не стали.

– Куда его теперь? – уточнил я, когда мы вылезли у флигеля дворцовой охранки.

– В подвал.

– Охрана там надежная?

– Думаешь, сбежит? – усмехнулся Джек Пратт и ухватил Якоба под руку.

– Думаю, в петлю залезет. Или просто умрет.

– А! Ты в этом плане, – задумался рыжий. – Своих людей туда поставлю.

– Идет.

– Только надо будет это с Раулем согласовать.

– И что ты предлагаешь? – распахнул я дверь, пропуская Джека с мошенником вперед.

– Ты старший группы, ты и беги! – фыркнул Пратт и погнал Ловкача в подвал.

У меня язык чесался сказать рыжему негодяю какую-нибудь гадость, но, по большому счету, он был сейчас совершенно прав. Ничего не оставалось, кроме как подняться в приемную Луринги и попросить секретаря доложить о моем визите.

– Вы по какому вопросу? – с подозрением уставился старый хрыч на мою запыленную одежду.

– По важному, – буркнул я и так зыркнул в ответ, что у секретаря в один миг исчезло всякое желание спорить.

– Проходите, – разрешил он.

– Вот так просто взять и пройти? – не удалось удержаться от подначки мне.

– Да! – И хрыч уткнулся в бумаги.

Я на всякий случай несколько раз стукнул костяшками пальцев по косяку, потом распахнул дверь и заглянул в кабинет:

– Можно?

– Заходи быстрее, – прихлопнув уже поднятый сквозняком со стола лист бумаги, поторопил меня Рауль. – Как успехи?

– Потихоньку, ваше сиятельство. – Я прикрыл за собой дверь и поздоровался со стоявшим у открытого окна Вильямом: – Здравствуйте, господин Чесмарци. С повышением вас.

– Правильно ли я понял, что вы произвели задержание по делу? – обернулся ко мне новоиспеченный заместитель

главы надзорной коллегии.

– Так, мелкая сошка, – не стал открывать своих карт я. – Но вполне возможно, через него удастся выйти на рыбу покрупнее.

– Его должны допросить мои люди! – безапелляционно заявил Вильям. – И чем скорее это произойдет, тем лучше.

– Ваше сиятельство? – глянул я на Лурингу и едва заметно покачал головой.

– Знаете, Вильям, дело находится в ведении специально созданной комиссии, так что ничем не могу помочь, – пожал плечами граф. – Но мы конечно же незамедлительно поставим вас в известность, если в ходе допроса...

– Я буду разговаривать об этом со своим руководством! – Перебив Рауля, Чесмарци покинул кабинет и с грохотом захлопнул за собой дверь.

– И его руководство вполне может пробить этот вопрос, – тяжело вздохнул глава дворцовой охраны и потянулся за трубкой.

– Делов-то! – фыркнул я. – Отправьте своих людей привезти из городского морга свежего покойника. Лучше – удушенника. Не уследили – беда-то какая!

– Вы страшный человек, Себастьян Март, – рассмеялся граф. – Хорошо, так и поступим.

– С вашего позволения, пойду побеседую с гостем, – усмехнулся я. – Да! Джек Прагг просил разрешения заменить караульных в подвале своими людьми.

– Разрешаю, – кивнул Рауль. – И попроси секретаря передать Рику Заре, что я хочу его видеть.

– Хорошо, ваше сиятельство...

Когда я спустился в подвал, Джек уже отпаивал Ловкача горячим чаем и травил ему какую-то байку. Мошенник потирал перетянутые шнуром запястья и вежливо улыбался в ответ. Пока меня не было – улыбался. А вот потом улыбка его несколько подувяла.

– Привет, Якоб, – поздоровался я и уселся на стоявший у стены стул. – Давненько не виделись!

– Да не так, чтобы очень, – буркнул в ответ тот и отхлебнул чая. – Из кареты людей выбрасывать, право слово, ты горазд...

– А! – Мне потребовалось несколько мгновений для того, чтобы понять, о чем идет речь. – Видел?

– Угу.

– Кому рассказал?

– Поторгуюемся? – предложил Ланц.

– Кому, Якоб? – спросил Джек, сразу сообразивший, что частью своих неприятностей я вполне мог быть обязан длинному языку Ловкача. Сболтнул, мол, некий Себастьян Март в город вернулся, и пошло-поехало. А что? Запросто так и было.

– Что-то с памятью моей стало... – почесал затылок мошенник. – Но если вспомню...

– Ладно, предлагаю обмен, – прекрасно зная сволочную

натуру Ланца, предложил я. – Если скажешь, один очень злой дядька получит не тебя, а твой труп.

– Что?! – подавившись чаем, закашлялся мошенник, да и Джек от такого предложения тоже самую малость обалдел.

– После того как мы с тобой побеседуем, тебя хочет забрать один деятель из надзорной коллегии. Зачем – даже не спрашивай, но ничего хорошего у него тебе точно не светит. Ну и вот: или ты идешь нам навстречу, и мы вместо тебя отдаем позаимствованный в морге труп, или потом будешь кусать локти. Недолго, но будешь.

– А так меня куда? – поверил на слово Ловкач. Неудивительно: когда человек блефует, шулер сразу видит.

– Пока посидишь взаперти. Оно и для твоего здоровья полезней будет, так? Обвинений тебе никаких не предъявят, потом выйдешь на свободу с чистой совестью.

– Потом – это когда?

– Потом – это потом. Согласен на такие условия?

– Согласен, – тяжело вздохнул Якоб. – Про тебя я Сурку рассказал.

– Выдернуть его? – встрепенулся Джек.

– погоди, – остановил я напарника и попросил: – А теперь рассказывай, Якоб, как во все это вляпался.

– Во что – во все? – Ловкач поставил пустую кружку на стол. – Понятия не имею, во что именно меня угораздило вляпаться.

– Охрана тебе зачем понадобилась? – решил начать с на-

водящих вопросов Пратт. – И кто эти типы, которые в меняльную лавку вломились?

– А! – потер подбородок Якоб. – Предложили мне плевую работенку. Всего-то делов – придумать схему, как умыкнуть из охраняемой кареты пару вещиц при условии, что находящиеся внутри люди действуют с нами заодно.

– И придумал?

– А то! – гордо заявил мошенник. – Все в лучшем виде сделал. Да только как-то у меня на сердце беспокойно после этого заказа стало. Ну и решил пару *стражников* прикупить.

– Через Миногу?

– В итоге – да.

– Кто тебя подрядил на эту работу?

– А сам не понял разве? – прищурился Ланц. – Мешок Костей, кто ж еще! Если б не он, я бы и близко к такому гнилому делу не подошел.

– Вот как? – Откровение мошенника повергло меня в ступор. – Мешок Костей!

– Это хорошо или плохо? – уточнил Джек.

– Да как тебе сказать... – задумался я. – Если мы хоть в чем-то напортачим, останемся с носом.

– А почему дело гнилое, а, Якоб? – потерял серьгу в ухе Пратт. – С чего ты это взял?

– Люди больно непонятные, вот почему.

– Кто именно? – Чем больше народу мы прихватим, тем выше шанс разузнать хоть что-то полезное.

– Общались без имен, в лицо я никого не знаю, – разочаровал меня Ланц.

– Опиши, – потребовал Джек.

– Заправлял там всем толстяк, вроде как местный. С ним постоянно те двое головорезов ходили. Ош этого дела не касался, велел только помочь людям и языком потом не трепать.

– Подельников из кареты видел?

– Они моих охранников и положили. Еле удрал.

– А что вообще тебя насторожило?

– Да те двое, которые в меняльную лавку сегодня заявились. Пару раз срисовал, как они за мной по городу таскаются, ну и забеспокоился.

– Ош где сейчас обитает?

– Все там же. В лавке на Трех Каналах.

– Пошли, – позвал я Джека.

Времени терять было нельзя: если в игре участвует Ош, то все ниточки он точно на себя завязал. Упустим его, и дело рассыплется, будто карточный домик.

– Заходи. – Джек распахнул дверь небольшой клетушки, отгороженной от караулки железными прутьями. – Здесь пока посидишь.

– Как скажете, – прошел внутрь Якоб и уселся на скамью. – Не забудьте про меня только.

– Не забудем. – Прагг запер решетку на два замка и один из ключей кинул мошеннику. – Держи.

– Это зачем еще? – удивился тот.

– Спрячь и, если забирать тебя придет не один из нас, дверь не отпирай. Все понял?

– Угу, – поежился Ланц. – Вы там не пропадите, что ли...

Получить от Рауля разрешение на задержание Мешка Костей труда не составило. Граф явно мучился от неопределенности и с готовностью предоставил в наше распоряжение две дюжины стражников. И пообещал, что отправит гонца к городскому прокурору с просьбой выписать ордер на арест господина Оша лишь после того, как мы прибудем на место. Чтобы, значит, и законность соблюсти, и утечек информации избежать.

– Поехали! – замахал руками Джек.

Дремавший на козлах Пьер моментально встрепенулся и подогнал к крыльцу пролетку.

– Куда едем? – подбежал к нам Рик Заре, которого отрядили командовать рассаживавшимися по каретам «серыми сюртуками».

– За нами, – скомандовал Пратт, не став заранее делиться полученной от мошенника информацией. И правильно сделал.

– Как скажешь, – пожал плечами Заре и отправился к своим парням.

– Для начала к Сурку заедем.

– Думаешь, стоит? – засомневался Джек.

– Есть у меня одно подозрение. Надо проверить.

– Ты, надеюсь, недолго?

– Нет. Имя второго бандита не узнал?

– Надо было у Рика спросить, – обернулся Пратт, но Заре уже скрылся в одной из карет. – На месте спросим.

– Куда ехать-то? – зевнул Пьер, которому надоело слушать нашу болтовню.

– На площадь Трех Каналов, – объявил я, – но по Береговой мимо «Черной ладьи».

– Хорошо.

Пролетка первой выехала из ворот дворцового комплекса, за нами незамедлительно последовали четыре кареты дворцовой охраны. На этот раз «серые сюртуки» были в повседневной одежде, так что от обычной празднующейся публики их отличала разве что почти армейская выправка. Дадут Святые, люди Оша на них внимания обратить не успеют. А потом уже дергаться поздно будет. Очень на это надеюсь.

– Остановись здесь, – попросил я Пьера, когда пролетка проезжала мимо размещавшейся на первом этаже углового дома бакалейной лавки.

– Давай быстрее, – нахмурился Джек.

– Мы куда-то торопимся? – поддел я его и заскочил в лавку.

Стоявший у дверей охранник удивленно уставился на остановившиеся поодаль кареты, а Сурок при моем появле-

нии так и вовсе явственно вздрогнул. Ну, да и немудрено.

– С чем пожаловал? – впрочем, моментально взял он себя в руки.

Я перегнулся через прилавок и тихонько прошептал ему на ухо:

– Пару месяцев назад ты узнал о моем возвращении в город. Кому дальше информацию слил?

– О чем ты?

– Мне нужно имя. Только одно имя. Решишь поиграть в молчанку – пожалеешь.

– Мешку Костей. – Сурок откинулся на спинку стула и прищурился, наблюдая за моей реакцией.

– Всего хорошего.

Я зашагал на выход. Неужели это кто-то из подручных Оша ко мне того мальчика с ножом подослал? Глупо, конечно, но ведь вполне могло сработать. И если уж на то пошло, с Мешком Костей мое убийство в паре шагов от «Ломаной марки» точно бы никто не связал. Но зачем? Старина Ош ничего просто так не делает. Зачем?!

– Поехали! – Джек хлопнул по плечу Пьера, стоило мне забраться в пролетку, и дернул себя за спускавшийся на подбородок рыжий ус. – Ну как?

– Спрашивал у Заре, как жулика, которого меняла застрелил, звали? – не стал распространяться я о своих подозрениях. Мотив – вот чего мне сейчас не хватало. Без мотива все косвенные свидетельства не стоят и выеденного яйца.

– Сэм Хельме.

– Как?

– Имя – Сэм. Фамилия – Хельме. Объявился в Акрае несколько лет назад, одно время работал на подхвате у квартирных воров, но потом из поля зрения Стражи выпал.

– Семь лет назад.

– Что? – удивился Прагг.

– В Акрае он объявился семь лет назад. И уже тогда Мешок Костей имел к нему какой-то интерес.

Не зря лицо жулика показалось мне знакомым. Но не назови Джек имя, так бы и ломал голову, где и при каких обстоятельствах с ним повстречался.

– С чего ты взял?

– К квартирным ворам его пристроил именно я. По просьбе Оша.

– Подъезжаем, – предупредил нас Пьер.

– И часто ты выполнял подобные поручения? – прищурился Джек.

– Не так чтобы очень, но не раз и не два.

– Ты, помнится, говорил, что Ош даже не попытался тебя из кутузки вытащить? А не его ли милостью ты туда загремел?

– Ну, если подумать... – Я тяжело вздохнул и зажал лицо в ладонях. – Если подумать, то так оно и есть. Ош затеял большую игру, а я слишком много знал.

– И от тебя решили избавиться...

– Подъезжаем! – вновь повторил Пьер и вдруг обернулся к нам: – На площади от мундиров в глазах рябит!

– Что?! – вскочил со скамьи Пратт и выругался: – Ах, что б вас всех! Да что ж это такое творится?!

А творилось и в самом деле что-то весьма и весьма паскудное: площадь Трех Каналов оказалась оцеплена городской Стражей, а у принадлежавшей Ошу ювелирной лавки топтались несколько высоких чинов из департамента дознания.

– Что здесь происходит? – прошмыгнув мимо караульного, рванул к ним Джек.

– Стоять! – Передо мной вырос ошарашенный стражник, но Рик Заре вытащил из жилетного кармана служебную бляху, и тот моментально освободил дорогу.

Я пробежал мимо Джека и, заглянув в лавку, втянул носом пахнувший дымом воздух. Впрочем, запах свежей крови перебивал даже едкую гарь.

– Бандитское нападение, – просветил нас один из дознавателей. – Допрыгался Мешок Костей...

– Что с ним?

– Мертв.

– Бесы! – выругался Пратт. – А почему гарью несет?

– Дом пытались поджечь, но пожар не занялся.

– Убирайте отсюда своих людей, – распорядился я. – Это дело тайной службы.

Дознаватель удивленно уставился на Джека, тот кивнул. Ну а мне уже было не до них – я бросился в личный кабинет

скупщика краденого и, опустившись на одно колено, приложил руку к шее Оша.

– Да мертв он, – зевнул вытиравший руки полотенцем коронер.

– Вижу, что мертв. – Я поднялся и огляделся по сторонам. – Как давно наступила смерть?

– С час назад...

– Соседи вызвали стражу сорок минут назад, – заглянул в кабинет Джек. – Нападавших было не меньше десяти.

– Кого-нибудь из них убили?

– Нет.

– А между тем Ош себе в охрану головорезов не из последних подбирал.

– Полагаешь, кто-то свой поножовщину устроил?

– Думаю, так и есть. Пустив этой сволочи кровь, кто-то одним махом оборвал все ниточки.

Я раздраженно махнул рукой и направился на выход, Пратт поспешил за мной.

– Пусть твои парни стражников меняют. Я к Паре заеду, попрошу, чтобы тайная служба бумагами Мешка Костей занялась. Возможно, что-нибудь интересное найти удастся.

– Сомневаюсь. Слушай, Себастьян, но ведь никто не знал, что именно рассказал Ловкач.

– Оказалось достаточно и того, что он просто попал нам в руки. Найди художника, попробуйте с Якобом набросать портрет толстяка, который похищение наконечников орга-

низовал.

– И что нам это даст? В городе его давно уже нет.

– Разошлете по таможням, вдруг где выстрелит.

– Тебе пролетку дать? – предложил Джек.

– Ну не пешком же топать?

– Скажи Пьеру, что потом он свободен.

– Хорошо.

Я направился к стоявшей за оцеплением пролетке. Пратт принялся что-то обсуждать с хмурым Заре. Дознаватели с легким сердцем погрузились в свою карету и отправились восвояси, а стражников без лишней суеты начали сменять нацепившие на плащи и куртки служебные бляхи дворцовые охранники.

Теперь бы еще Малькольма Паре на месте застать...

На квартиру я вернулся только под вечер. Разулся, накинул куртку на вешалку и прямо в одежде повалился на кровать. Вымотался за день – сил нет. Да и на нервах все это время. Синица в руке неожиданно обернулась мерзкой жабой, и надежд на обратную метаморфозу практически не осталось.

Якоб Ланц под замком, но ничего толком не знает. Ош мертв. Неизвестного толстяка давно след простыл, и задержать его поможет только чудо. Даже от набросанного со слов Ловкача портрета сейчас толку немного. Упустили мы время, упустили. Жуликов, которых я по просьбе Мешка Костей к делу пристраивал, и тех не найти. Как в воду канули...

Так что настроение, откровенно говоря, было хуже некуда. Что нам сейчас вообще остается? Сидеть и ждать у моря погоды? А тем временем наконецники спокойно вывезут из Стильга...

Когда раздался стук в дверь, я соскочил с кровати, вытащил из-за голенища сапога шило и, заведя руку за спину, крикнул:

– Кто там?

– Открывай! – рявкнул из-за двери Джек.

– Чего надо?

Я отодвинул в сторону засов и посторонился, пропуская Рауля Луриргу.

Тот прошел в комнату, мельком глянул в висевшее на стене зеркало и, поправив растрепавшуюся шевелюру, направился к столу.

– Мы решили обсудить сложившуюся ситуацию.

– Надеюсь, ты не против? – съехидничал Джек Пратт и помахал у меня перед лицом бутылью с вином. – Штопор есть?

– У меня просто склад штопоров, – тяжело вздохнул я и запер дверь. Ничего обсуждать не хотелось. Ничего уже не хотелось. – Внутрь протолкни.

– Да уж разберусь как-нибудь. – Рыжий прямо на пол сбил ножом с горлышка бутылки сургуч и огляделся по сторонам. – Кружки, кружки у тебя точно должны быть. Морякам без кружек никак.

Я вытащил из шкафа три оловянные кружки, выставил их на стол и уселся на кровать. Успевший откупорить бутылку Джек набулькал мне вина и пододвинул стул к раскладывавшему на подоконнике какие-то бумаги графу.

– Портреты толстяка на границу отправили? – поинтересовался я.

– Да, – кивнул Рауль. – Но надежды на них мало.

– Ты лучше скажи, что по Ошу думаешь. – Джек пригубил вино, разглядывая разложенные графом записи.

– Завербовали его давно. Лет семь назад, если не раньше...

– В поле зрения ни тайной службы, ни надзорной коллегии он не попадал, – заметил Луринга.

– И тем не менее, – пожал я плечами. – Вполне возможно, его использовали втемную. Записей по марионеткам не нашли?

– Думаешь, они должны были быть?

– Не исключено. Не зря же поджог пытались устроить.

– Паре пока молчит, – вздохнул граф, в один присест осушил кружку и отодвинул ее Джеку. – Мне вот что непонятно: какое отношение имеет к этому делу Ланье. То ли он прячущийся за ширмой кукловод, то ли его просто подставили.

– И почему решили убрать Оша, – вновь наполнил кружку графа Пратт.

– Все просто: те двое марионеток действовали не сами по себе. Дожидавшийся их на улице сообщник увидел, что мы

захватили Ловкача, сложил два плюс два, и судьба Мешка Костей была решена. – Я поднялся с кровати и взял бутылку. Оражское «Червонное», девятьсот шестидесятого года. Наверняка граф из погребов отца прихватил. – Да он теперь им и не нужен был больше, по большому счету.

– Кому – им? – устался на меня Джек.

– Еретикам.

– Уверен?

– У тебя есть другие кандидатуры?

– Пока нет.

– Вот видишь.

– И все же меня не оставляет ощущение, что мы упустили какой-то важный момент, – нахмурился Рауль. – Знать бы наверняка насчет Ланье!

Я заходил от стены к стене.

– Зачем Ланье привлекать к этому делу Оша? Пусть медики неправильно определили время смерти Джоэля и Грая, и наконечники похитили именно они, пусть. Но никакого смысла в этом случае усложнять схему не было. Ланье не дурак.

– Никто и не спорит, – зевнул Джек.

– Тогда исходим из того, что Ланье решили сделать козлом отпущения, – задумался граф.

– Дела настолько плохи?

– Я даже представить боюсь, что будет, если Драгарн не получит обещанных наконечников, – вздохнул Рауль. – Дела

на фронтах, сам знаешь, не ахти...

– Новые известия? – заинтересовался я.

– Без законечников Марну нам не отстоять.

– Данциг держится уже который месяц...

– В Данциге заняла круговую оборону чуть ли не треть всех экзекуторов Пламенной Длани. Мы перекинуть столько экзорцистов в тот же Магрев позволить себе не можем.

– Надо Ловкача по новой допросить, – решил вдруг Джек и поставил кружку с вином на стол. – Чтоб от и до, ни одной мелочи не упуская...

– Завтра допросим. – Граф начал убирать выложенные на подоконник бумаги в кожаный тубус. На то, что из мошенника удастся вытрясти хоть что-то полезное, он явно не рассчитывал. – Поздно уже.

– Да, поздновато... – не упустил я возможности намекнуть незванным гостям на свое желание отправиться на боковую.

– Завтра... – Прагг осторожно, стараясь не взболтать осадок, вылил остатки вина себе в кружку, – завтра с самого утра за тобой заеду.

– Договорились.

– Для начала поговорите с Паре, вдруг что-то его людям разузнать получится, – сказал, поднимаясь, Рауль. – Они всю ночь работать будут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.